

MamaLada

СКОРОВСКИЕ ИСТОРИИ

18+

Мама Lada

Скоровские истории

«Автор»

2021

Lada M.

Скоровские истории / М. Lada — «Автор», 2021

Перед вами сборник рассказов фельдшера службы скорой медицинской помощи. Здесь описываются случаи, которые произошли с разными людьми. Большинство из этих происшествий – случаи из практики, некоторые – просто истории из жизни. Все истории реальны, а потому имена изменены. Приятного чтения.

© Lada M., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие.	6
Маша К.	7
Последний полицейский.	8
«Адекватное обезболивание»	10
ДТП с перегрузом.	11
Жажда жизни.	13
Упущенное время.	15
«Мусор».	17
Велосипедист.	18
С дерева упал.	19
История с танком.	20
Везунчик.	21
ДТП с ножевым.	22
Двойное ДТП.	23
Разрыв селезёнки.	24
Сгорел на работе.	27
Ножевое в шею.	29
По дороге домой...	30
Когда человек устал.	31
Случайность.	32
Сами виноваты?	33
Расставаясь, никогда не знаешь, увидишься ли снова.	34
Избили.	36
История одного самоубийства.	37
«Боженька отвёл».	38
Умирают всегда слишком рано.	40
Ножевое в голову.	42
Самое «ножевое» из всех «ножевых»!	43
Жаль, что легко отделается.	44
Ножевое ранение в грудь.	46
Остеохондроз или инфаркт?	49
На что меняться будешь?	50
Сила слова.	52
Сердечная рана.	55
Остеохондроз или пневмония?	56
Как сотрудник ГИБДД девочку обидел.	58
Анестезиолог, ножевое ранение и неисправный лифт.	59
«Ты просто устала»	61
Массажное кресло и варикоз.	62
Нос (Гоголь здесь ни при чём).	63
Два товарища.	64
Ещё один «солнечный зайчик».	65
«Сердце ещё не выросло».	67
Что-то давление сегодня скачет.	68
Благодарность.	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мама Lada

Скоровские истории

*Всем моим коллегам, сотрудникам скорой медицинской помощи,
сгоревшим на работе в прямом и переносном смысле,
посвящается.*

Предисловие.

Я работаю фельдшером на скорой с 1999 года. Повидала многое. Бывает, что меня друзья просят: «Расскажи страшилку». И я рассказываю... Нынче делюсь этими рассказами с вами.

Зря я в это ввязалась и согласилась на печать сборника. Но что сделано – то сделано. Рассказки мои очень незамысловатые и примитивные, больше напоминают дневник, чем сборник рассказов. Просто описание случаев, которые произошли с разными людьми. Большинство из этих происшествий – случаи из моей практики или практики моих коллег, работающих в службе скорой медицинской помощи (сокращённо СМП). Несколько историй – просто истории из моего города. Все истории, описанные мной, реальны, а потому все имена изменены. Также изменены названия улиц и возраст некоторых людей.

Что ещё? Чтобы было совсем понятно, расскажу о функциях, которые выполняет фельдшер бригады СМП. Когда фельдшер работает «первым номером», он выполняет функции врача: осматривает пациента, ставит диагноз и назначает лечение. Также именно «первый номер» решает, подлежит госпитализации пациент или нет. Когда фельдшер работает «вторым номером», он выполняет функции медсестры: выполняет назначения «первого номера», например, накладывает повязку или делает инъекции. Также «второй номер» заполняет бланки различных документов. Когда фельдшер является единственным медицинским работником в бригаде, он выполняет работу за двоих, а зарплату получает за одного. В общем, фельдшер – это такой универсальный эконом-вариант медицинского работника. Вот такие дела.

Маша К.

Живу я в городе-спутнике одного «миллионника». На момент происшествия наш город был маленьким. Светофоров было мало, а «лежачих полицейских» и вовсе не было. Объездную дорогу еще не сделали, поэтому весь транзит шёл через город по улице Попова. Улица Попова была сильно загружена грузовиками, но напротив остановок были пешеходные переходы. Ими местные жители и пользовались, чтобы перейти дорогу.

Случай этот произошёл 1 июня 1999 года. Это были моя первая смена на скорой, и первый вызов. В ту смену я работала помощником врача. Поступает вызов: ДТП на улице Попова, сбили ребенка. Включаем спецсигналы (сирену и мигалки) и летим на вызов. Но можно было не торопиться: ребенок погиб из-за травм, несовместимых с жизнью.

Дело было так. Накануне девочку Машу, восьми лет от роду, привезли родители из города на каникулы к бабушке. Утром после завтрака бабушка отпустила Машу поиграть во двор. Каким образом Маша оказалась через 2 квартала (это примерно метров 400-500 наискосок через дворы) на проезжей части? Зачем она побежала в частный сектор? Неизвестно. Маша стала перебегать дорогу перед длинномером (не знаю названия этой машины). Водитель, пытаясь избежать столкновения, выехал на встречную полосу, уткнулся в другой автомобиль. Но Маша всё равно залетела под второй ряд колёс. Колёса проехали по голове, третьи колёса остановились на ноге Маши.

Прошло уже более 20 лет, но я до сих пор помню это маленькое тело на асфальте, плоскую голову (почему-то овальной формы), содержимое черепной коробки рядом и ногу в полосатом гольфе до колен под огромным колесом.

P. S. Знаю, что многим этот рассказ не понравится. Мне тоже очень не нравится, когда страдают и погибают дети. Считаю, что в 99 процентах серьёзных несчастных случаев с детьми виноваты взрослые. В большинстве случаев – это «недосмотрели». Но в случае с Машей – не научили! Не научили, что надо слушаться бабушку и не уходить со двора. Не научили, что нельзя без взрослых выходить на проезжую часть и перебегать дорогу в неположенном месте.

Другие участники ДТП не пострадали, если говорить о физических травмах.

Последний полицейский.

Информационная справка. Искусственная неровность (неофициальный термин «лежачий полицейский» – от англ. sleeping policeman) – элемент принудительного снижения скорости транспортных средств, одна из мер успокоения дорожного движения.

Когда я начала работать на скорой, ДТП (дорожно- транспортные происшествия) в нашем небольшом на тот момент городе были каждый день, и не по разу. В пределах города и на трассе. Часто ДТП были с человеческими травмами. Люди калечились, погибали. Потом с целью снижения количества ДТП решили установить «лежачие полицейские». Немного перестарались, и наш город стали называть «городом лежачих полицейских». Слишком много установлено «искусственных неровностей». Было много недовольных. Раньше можно было ту же улицу Попова пролететь со скоростью 80 км в час, а теперь приходилось постоянно тормозить. Но! Цель была достигнута. Уровень ДТП значительно снизился (в последующем часть этих «лежачих полицейских» убрали, на их месте появились светофоры, пешеходные переходы).

Наш врач Ульянов Сергей Владимирович (с огромным опытом работы на скорой) однажды произнёс мудрые слова: «Если все эти «полицейские» спасли хотя бы ОДНУ человеческую Жизнь, они себя полностью оправдали».

Полностью с ним согласна. В подтверждение могу сказать, что последнее ДТП на территории нашего района (теперь достаточно большого), где пострадал человек, было 3 февраля (эти слова были написаны 4 марта 2017).

Итак. Город оборудовали «лежачими полицейскими». Сначала устанавливали знаки ограничения скорости и предупреждения о наличии ИДН (искусственной дорожной неровности). Через пару дней появлялся «лежачий полицейский».

Недалеко от окончания города перед остановочным комплексом появился знак о наличии ИДН, но сам «лежачий полицейский» не установили. Поначалу водители осторожничали и снижали скорость. Потом поняли, что ИДН, скорее всего, не появится, и стали ездить с привычной скоростью. Все бы ничего, но пару месяцев спустя произошло ДТП. В автобусную остановку въехал военный грузовик и сбил четырёх человек. За рулём сидел солдат-«срочник». В последующем он сказал, что уснул за рулём. Пострадали молодая семейная пара (оставили с бабушкой ребенка трех месяцев от роду, «пока в магазин сходим»), женщина (около тридцати лет – точный возраст не помню уже, она поехала в гости в другой город) и пьяный мужик (что он там делал, никто не спросил почему-то).

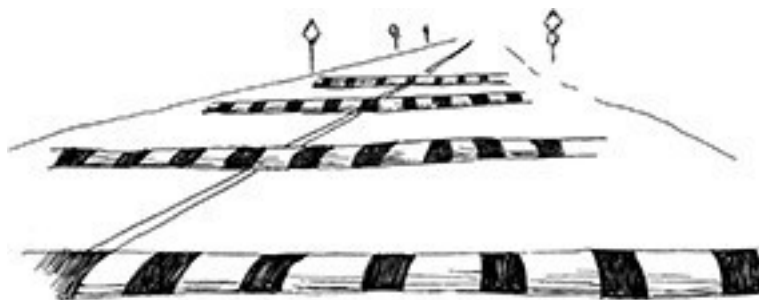
По правилам, первая прибывшая на место массового поражения людей бригада службы скорой помощи остаётся до последнего пострадавшего на месте. Приезжают, оценивают обстановку, сообщают диспетчеру о количестве пострадавших и при необходимости просят в помощь дополнительные бригады. Пока едут остальные, оказывают помощь пострадавшим. И это правильно. Проверено десятилетиями. Приезжает первая бригада. В бригаде врач и фельдшер. Тут же разделяются и обходят пострадавших. Оценивают обстановку. Пьяный мужик орёт, что ему больно. Остальные молчат. Раз орёт – значит, силы есть. Посмотрим позже. Семейная пара – жена погибла (черепно-мозговая травма), у мужа сломан позвоночник, ниже пояса нет чувствительности – дело плохо. Это значит, что повреждён спинной мозг. Хорошо, если просто контузия. Тогда есть шанс на полное восстановление всех функций. А если произошёл разрыв спинного мозга – человек больше ходить не сможет никогда. У женщины – перелом бедра. У обоих сотрясение головного мозга и тупая травма живота. У пьяного всё цело, только царапины на лице, но орёт, как будто режут. Отказывается встать. Кричит: «Не

могу! Мне больнее всех. Оказывайте МНЕ помощь!». И всё с матерками. Привлекает внимание. Подождёт.

Вызывают в подкрепление две бригады. Пока едут остальные, первая бригада оказывает помощь: устанавливают «венозный доступ», обезболивают и шинируют. Мужик орёт. Зеваки возмущаются, что ему-то помощь не оказали. Но нет возможности разорваться. Почти одновременно приехали две бригады и ГАИ. Быстренько загрузили пострадавших в машины. Мужик орёт: «И меня заберите!!!». – «Заберём – куда денемся». Грузят на носилках в машину. В машине мужик продолжает орать и требовать «укольный». Он так утомил бригаду, что доктор не удержался и ткнул ему в лоб ладонью со словами: «Заткнись, а то у***у». Мужик тут же заткнулся. Привезли в приёмное отделение больницы. Там уже бегают все в мыле: до этого мужика более «тяжёлых» пострадавших привезли. Пьяного перекалывают на каталку и оставляют в коридоре. Но ему не ложится на месте. Начинает возмущаться, что на него не обращают внимание. Стал вертеться, пытаться встать – и свалился с каталки. Под каталкой и заснул.

Угадайте, кто домой в тот же день ушёл? Правильно! Пьяный мужик и ушёл.

А последний «лежачий полицейский» появился на следующий же день. В нашем городе есть практика: где сожмут насмерть пешехода – там через день-другой появляется ИДН.

«Адекватное обезбоживание»

Как я уже рассказывала, первая прибывшая на ДТП бригада остаётся на месте до последнего пострадавшего. Оценивают обстановку, сообщают диспетчеру о количестве пострадавших, при необходимости просят в помощь дополнительные бригады. Пока едут остальные, оказывают помощь пострадавшим.

В середине девяностых произошёл один случай.

Поступило сообщение о ДТП в городе: машина врезалась в дерево. Сколько пострадавших – неизвестно. Первая прибывшая бригада увидела машину, врезавшуюся в дерево. Передок помят, задняя дверца оторвана. В машине за рулем зажат водитель, кричит от боли и страха – перелом бедра – и выбраться не может. На переднем и заднем пассажирских сидениях – еще двое мужчин. Оба – в коме (черепно-мозговая травма) и со скелетными травмами (переломы конечностей). Недалеко от машины еще один – открытая черепно-мозговая травма (дырка в черепе), тоже в коме, со множественными переломами. Нуждается в экстренной госпитализации. Так-то все нуждаются, но у этого – состояние критическое. Сообщают диспетчеру о количестве пострадавших, просят помощь. Водителю ставят внутривенно промедол, мужчину из кустов достают, оказывают помощь и увозят. Остальных оставляют на месте. Тем более уже подъехали гаишники. Если что – покажут остальным бригадам, где пострадавшие.

Приезжает вторая бригада. Спасателей еще нет. Водитель кричит. Ставят ему промедол, забирают пассажира и, оказав ему первую помощь, увозят в больницу.

Приезжает следом третья бригада. Мужчина по-прежнему зажат на водительском сидении. Кричит. Ему ставят промедол, еще одного пассажира забирают, оказывают помощь и увозят в больницу. Пока возились с третьим пострадавшим, подъехали спасатели. Начинают освобождать пострадавшего.

Когда приехала четвертая бригада, водителя спасатели освободили от плена. Но мужчина кричит. Ему устанавливают капельницу, ставят промедол внутривенно, шинируют и увозят в стационар.

Позже, когда собрались все бригады, сели списывать наркотики. И – о ужас! Оказалось, что все четыре ампулы промедола были потрачены на ОДНОГО пациента!

Не знаю, как выкрутились медики (хотя и предполагаю). Но знаю, что из четырех пострадавших выжил один водитель. После этого долго еще говорили: вот что значит адекватное обезбоживание!

ДТП с перегрузом.

Дело было в конце августа начала нулевых годов. В то время еще редко кто применял ремни безопасности, а про детские кресла даже не задумывались. Из города Н. в город Е. двигался легковой автомобиль. В автомобиле было шесть человек. На заднем сидении сидела семья: муж слева (позади водительского кресла), жена справа и двое детей (мальчик 4 и девочка 7 лет) между родителями. Водитель – брат мужа. На переднем пассажирском кресле сидела подруга жены. Позже она говорила: «Вот не хотела же я ехать с ними! Уговорили». Семья поехала «к школе, к первому сентября закупаться».

Обе женщины были полноваты – килограммов под 90, а может, и больше. А мужчины – невысокие и худенькие, килограммов 60-70, не более. Был явный перевес в правую сторону. Прошёл дождь, дорожное покрытие стало мокрым. Ехали быстро. По обочинам лежали кучи щебня – готовились к ремонту трассы. На мокром асфальте машину занесло и выбросило на обочину на щебень. Со слов женщин, автомобиль перевернулся несколько раз, затем вновь встал на колеса. К пострадавшим вызвали службу скорой помощи.

ДТП произошло, хоть не на нашей, но близко к нашей территории. В таких случаях всё равно посылают бригаду – на всякий случай, вдруг скорая из другого города не так быстро приедет. Диспетчер послала бригаду на место аварии и позвонила в город Е. Там были уже в курсе и тоже отправили бригаду реанимации на ДТП.

Наша бригада приехала первой. Оба мужчины погибли – черепно-мозговые травмы, несовместимые с жизнью. Водитель лежал на руле. Когда его откинули назад, чтобы посмотреть, жив ли, часть черепа отвалилась и содержимое черепной коробки излилось назад. Подругу жены наполовину выкинуло на капот автомобиля. Ноги были в салоне. Она жаловалась на то, что ноги ничего не чувствуют. Скорее всего, произошёл перелом позвоночника с повреждением спинного мозга. Мальчика через лобовое стекло выбросило на обочину. Но, к счастью, он несильно пострадал. Очень удивлялись, что при таких обстоятельствах и всего-то рваная рана бедра – в рубашке, наверное, родился. Хоть и не было клиники, но написали: «ЗЧМТ СГМ под вопросом». Мало ли, что потом вылезет. Пока наши медики осматривали пострадавших и оказывали помощь пацану и женщине с переднего сиденья (её надо было не только обезболить, но и вытащить из машины), подъехала бригада скорой из города Е. Честно говоря, я не помню за давностью лет, какие были травмы у матери детей и у второго ребёнка, но они своими ногами прошли в машину скорой помощи города Е. В ту же машину погрузили подругу жены. Потом подъехали гаишники, а самыми последними прибыли спасатели с чёрными мешками.

Вот такая печальная история и куча «если бы». Если бы пристегнулись, если бы были детские кресла, если бы не гнали так быстро, если бы ..., то, может, всё и обошлось.

Жажда жизни.

Случалось ли вам иногда, во время поездки по трассе, видеть на обочине или под откосом перевернутые, побитые машины? А рядом никого нет. Проезжаешь мимо и думаешь: «Было ДТП. Раз никого нет рядом – значит, давно было. Все уже уехали, а машину потом на эвакуаторе увезут». И мало кто остановится и выйдет, чтобы убедиться, что нет нуждающихся в помощи.

Дело было летом. Около пяти часов дня поступил вызов на трассу. Вызывали гаишники. ДТП. Приехали на место. Никаких машин на обочине не видать. Рядом с дорогой лежит мужчина. По виду – чистый бомж, изможденный, грязный, небритый, в каких-то лохмотьях. Я еще удивилась, когда он сказал, что машина в кустах лежит. Откуда у бомжей машина? Потом уже поняла, что это не бомж, а обстоятельства так потрепали мужика. Представился он Александром.

Осматриваем пострадавшего. Из повреждений – перелом правого бедра, множественные ушибы мягких тканей и ссадины всего тела. И ещё – парез левых конечностей (так при инсультах бывает, когда рука и нога отнимаются). Пока оказываем помощь, выслушиваем рассказ мужика.

«У меня был инсульт, и на днях выписали домой на долечивание. Хожу я еще еле-еле. Нога плохо слушается. А рука и вовсе ничего не может. Вечером, часов около десяти, друг ко мне пришёл. Пива принес. Выпили. Он меня уговорил пойти с ним покататься да в город съездить. Поехали на машине его подруги, он взял машину без спроса. Друг ехал не пристегнутым и пиво пил. Говорил, что машину, как себя, знает и чувствует, что трезвый как стеклышко. А я-то пристегнулся. Что-то страшно стало».

Выехали они часов в 11 вечера. В первом часу ночи водитель не справился с управлением автомобиля. Машина вылетела с трассы на обочину, оттуда покатила под откос (в этом месте крутой склон). Автомобиль несколько раз перевернулся, влетел в кусты и остался лежать на правом боку. Когда Александр очнулся (сколько времени он был без сознания, сказать затрудняется), почувствовал сильную боль в голове и ноге и тяжесть. Тяжесть от тела друга, который лежал сверху.

Представьте себе. Ночь, перевернутый автомобиль. В нём пристегнутый ремнями безопасности мужчина лежит на правом боку, а сверху – труп. Напомню: у мужчины сломано правое бедро, полностью парализована левая рука и частично – левая нога. Он попытался выбраться из машины. Ремень мешал. Нашёл зажигалку, которой пережёт ремень безопасности. Потом пытался вылезть из-под трупа, по трупу к водительской двери и оттуда наружу. Когда уже рассвело, Александр вылез из машины. Идти он не мог – только ползти при помощи здоровой руки. Рассказывал: «Ползти уже нет сил. Слышу, как проезжают машины, кричу. А они не слышат! Скатываюсь по мокрой траве вниз. Отдохну и снова ползу. Жить-то охота. Понимаю, что, если не вылезу к людям, погибну. Выполз на обочину. Встать не могу. Пытался снова кричать, махал рукой. Все проезжали мимо. Не видели, наверное. А выползти на саму дорогу побоялся. Раздавить могут. Несколько раз отключался».

Мужчину, лежавшего без сознания на обочине в траве, заметили только около 17 часов. Вызвали ГАИ и службу скорой помощи.

P.S. Так-то перевернутую машину с трассы было видно немного. Но кто будет вглядываться? Перевернута, а рядом никого нет. Значит, всех уже увезли...

На территории нашего района есть посёлок К. От старого тракта к нему ведёт дорога протяженностью около 6 км. Покрытие, как ни странно, на ней вполне себе неплохое, но имеется

несколько крутых поворотов. Зато гаишники только на ДТП приезжают. И никаких «лежачих полицейских». На полпути – своротка налево, к посёлку С. Возле развилки стоит киоск. В этом киоске круглосуточно продают спиртное. Все об этом знают, но никто ничего не делает. Находится киоск далеко от города, и продавцы местных всех знают, а значит, чужому не продадут. Поэтому по этой дороге в любое время суток местное население катается за бухлишком, часто превышая скоростной режим, и в нетрезвом виде. Вот об этой дороге и пойдет речь дальше.

Когда я в первый раз ехала на вызов в посёлок К., мне врач, у кого я в помощницах была в ту смену, рассказал, что недавно был здесь на ДТП, и указал один из крутых поворотов:

– Четыре трупа лежали с пробитой головой. Слетели в кювет, врезались в дерево, и все погибли.

В последующем я и сама приезжала на подобные аварии. Расскажу о нескольких.

Упущенное время.

Летом, около восьми часов вечера, по рации диспетчер передала вызов: поворот на посёлок К., ДТП. Пассажирская «газель» въехала в маршрутный автобус. В автобусе – большое количество людей. Естественно, что поехали мы на этот вызов со включенными спецсигналами. Подъезжаем к повороту. ДТП не видать. Сообщаем диспетчеру. Отвечает:

– Проезжайте дальше. Наверное, это там.

Ещё минут 5 едем – нет ДТП. Снова к диспетчеру:

– Может, Вы перезвоните вызывавшим или позвоните в ГАИ? Вдруг они в курсе?

Ещё через пару минут выясняется, что не на повороте на К., а у въезда в посёлок. Но время-то упускаем. Возвращаемся и едем к посёлку.

ДТП нашли, но пассажиры автобуса почти не пострадали. Они отделались небольшими ушибами и испугом. А вот водитель «газели» был без сознания. Предварительный диагноз: «ЗЧМТ, ушиб головного мозга, тупая травма живота, ушиб грудной клетки» и ... алкогольное опьянение». Уж очень сильно от него алкоголем несёт. Грузим на носилки, завозим в салон нашего автомобиля. В салоне ещё раз осматриваем на наличие переломов, измеряем давление, обеспечиваем венозный доступ и так далее. Пытаюсь установить комбитьюб – это такая система из двух трубок, обеспечивающая проводимость дыхательных путей. В это время происходит тризм жевательной мускулатуры, то есть сокращение жевательных мышц. Установить не успела, как пациент зажал комбитьюб между зубами.

Всё это время постоянно в салон открывалась дверь и лезли женщины: то одна, то другая, со словами «а я головой стукнулась, а у меня тут царапина, а меня что-то трясёт...». Им объясняешь, что не до них, что сейчас другая машина приедет. Одна уйдет – тут же другая лезет. Тем временем подъехали гаишники, встали на дороге между нами и посёлком, справа от места аварии, чем перегородили движение в сторону посёлка. Тут же полезли к нам за информацией о пациенте. Их тоже отправили подождать. Следом подъехала вторая бригада. Встала позади нас. Медики поспешили к страждущим оказывать помощь. Тут снова открывается дверь, и заглядывает женщина. Уже хотела послать, но слышу:

– Я его жена. За мной прибежали. Можно я с вами?

Конечно, можно. Я родственникам не отказываю. К тому моменту мы уже всё подготовили к транспортировке в стационар. Говорим водителю: «Поехали». А он отвечает:

– Не могу, нас зажали. Спереди гаишная машина и автобус с «газелью» путь перекрыли, а сзади машина скорой стоит, и водителя нет.

Это вторая бригада перекрыла нам выезд, и водитель пошёл узнать подробности. Побежала второго водителя искать. Еще несколько минут потрачено напрасно. Наконец-то поехали. В салоне 4 человека: доктор, я, жена пострадавшего и сам пострадавший. Пока ехали, жена рассказала, что последнее время муж часто стал возвращаться нетрезвым домой с работы. А работал он водителем маршрутки в городе. Много раз с ним из-за этого ругались. И вот к чему это привело...

Когда проехали примерно 7 км, пациент умер. Остановили машину и приступили к реанимации. Мы провели все возможные на тот момент реанимационные мероприятия, а жена помогала нам. Она сама вызвалась нам помочь:

– Я медсестра по образованию. Говорите, что набирать. Всё сделаю.

Но реанимация оказалась безуспешной. В приёмном после осмотра умершего травматолог высказался:

– А что вы хотели? Брюхо-то полное крови. Если бы поблизости ДТП было – успели бы спасти, остановили кровотечение. А так – весь выкровил.

Действительно, когда шевелили живот умершего, был слышен плеск жидкости.

Я потом долго переживала, что, если бы не впустую потраченное время на поиски места, на вмешательство посторонних и объяснения им, что некогда нам, на попытки выехать, глядишь, и выжил бы человек.

«Мусор».

От старого тракта до посёлка К. ведёт дорога протяженностью 6 км. На полпути дорога разветвляется. От развилки идет дорога налево к посёлку С. Возле развилки стоит киоск, в котором круглосуточно продают спиртное. Возле этой развилки с киоском находится импровизированная свалка. Кроме двух посёлков, вдоль этих дорог расположено несколько коллективных садов. Вот возле этого киоска и произошло ДТП, о котором я хочу рассказать.

Всё случилось вечером, в конце весны, когда снег уже стаял, а травы и листья ещё не было. Приехав на место, увидели автомобиль, стоявший метров за двадцать до киоска. Перед ним на спине лежал труп женщины бомжацкого вида и запаха со вмятиной в голове. Водитель, мужчина лет шестидесяти, трезвый, рассказал, что ехал из сада домой. Выезжая из-за поворота, наехал на что-то черное. В первый момент подумал, что это мусор в мешке (такие мешки в большом количестве валялись рядом на свалке). Но, проехав несколько метров, остановился, чтобы избавиться от мусора, прицепившегося ко дну машины. Сдал назад и увидел женщину, которую он протащил под машиной метров 50.

Вышла продавец из киоска и охотно стала рассказывать про эту женщину:

– Она рядом в саду живет. Алкашка. Каждый день здесь, и не по разу. Вот и сегодня около часа назад за догоном приходила. Наверное, возле свалки и выпила всё.

Скорее всего, так и было – села на обочине, выпила оставшееся и заснула сидя, уткнувшись в колени лбом. Женщину не было жалко. Для общества она умерла много лет назад. Оставалось жить только тело. Жаль было мужчину. Какой бы ни была женщина, но погибла она под колёсами его автомобиля. А это уже ответственность и, возможно, срок...

Велосипедист.

Ноябрь. Снега еще немного, только по обочинам. На самой дороге тут же всё тает. Вечером подмораживает. Скользко. Поступает вызов: ДТП на дороге к посёлку К., сбили велосипедиста. Подъезжаем. Первое, что увидели: на правой обочине валяется искорёженный велосипед. Метров через пять на левой обочине лежит труп мужчины, он почему-то без штанов. Еще дальше, метров через 30, с правой стороны дороги стоит машина, сбившая велосипедиста. Рядом водитель и сотрудник ДПС. Останавливаемся перед машиной виновника.

Сначала к пострадавшему – вдруг можно помочь, хоть издалека видно, что это труп. Но, может, мы ошиблись. Слышим:

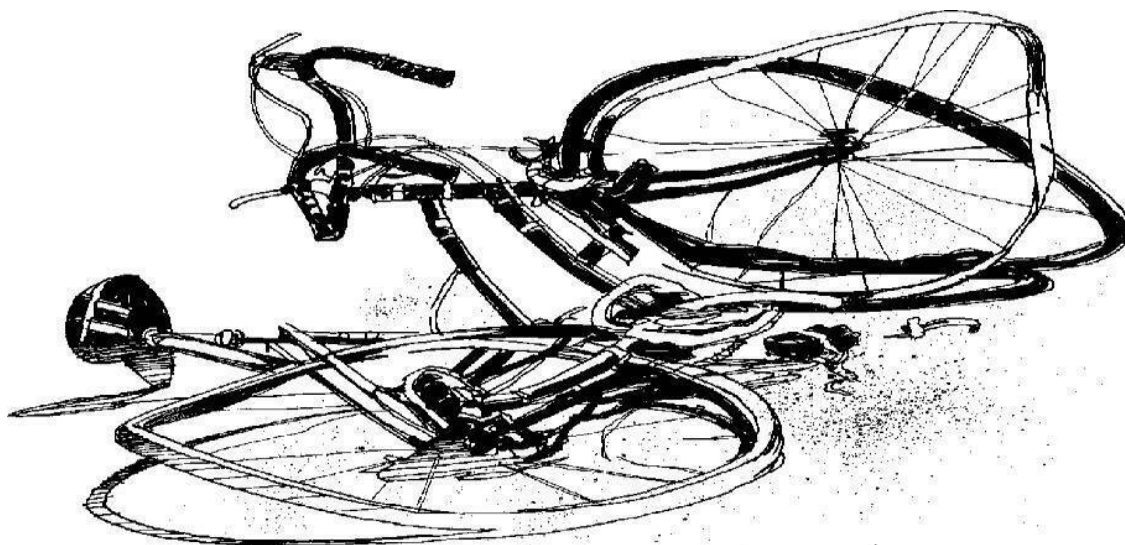
– Не наступите!

Смотрим под ноги – а там кусочки тканей человека: кровь, костные обломки, содержимое черепной коробки... Доктор потом утверждал, что всё это было раскидано метров на сто. А мне показалось, что не больше, чем на пятьдесят. Аккуратно подходим ближе к трупу. Выясняется, почему он без штанов. Удар был настолько сильным, что мужчину выбило не только из кроссовок, но и из тёплых спортивных штанов, которые валялись рядом. Возраст определить затруднительно: голова обезображена. Видно только по седым волосам на остатках черепа, что немолод. Кроме открытой черепно-мозговой травмы, имеются множественные переломы конечностей и др. После осмотра возвращаемся к машине. На машине, сбившей велосипедиста, след кровавый тянется от капота, через лобовое стекло, крышу, заднее стекло, дверцу багажника. Подходим к виновнику и слышим, как ему выговаривает полицейский:

– Выпил, так зачем за руль садиться? Вызови такси! Посмотри, что ты наделал! Как ты теперь с этим жить будешь?

Водителю наша помощь не нужна. Да и мы в общем-то тоже здесь совсем не нужны.

О других ДТП на этом участке рассказывать не буду. Там всё время одно и то же: выпил, сел за руль, не справился с управлением – труп... или несколько. Думаю, что такая «дорога смерти» найдется в каждом районе. Или один участок – место сбора дани смерти.

С дерева упал.

Лето. Жара. Куда так топят?! Днём задыхаемся от жары. Вечером полегче. Ночью хорошо. Праздник человек развлекается как может. И, конечно же, бухают. И на водоёмах тоже.

Есть у нас N-ское шоссе. От него до озера около 2 км по прямой. На прибрежной территории расположены базы отдыха и пляжи: городской, от яхт-клуба и от различных предприятий.

Ночью, около 2 часов, поступает вызов: на N-ском шоссе ДТП – не доезжая до заправки, сбили человека. Подъезжаем. Пострадавший лежит на земле. Одет в шлёпки и спортивные штаны. Вещей никаких при себе не имеет. Сбившей его машины нет. Но рядом с пострадавшим валяется вырванное с корнем зеркало заднего обзора. Гаишники уже подъехали. Осматриваем пациента. Конечно, пьян. На голове ссадины, открытый перелом плеча – из рваной раны обломки кости торчат. Пока оказываем помощь, пациент рассказывает:

– Отдыхали на озере с пацанами. Что-то поругались. А почему – не помню. Я психанул и пошёл домой. Помню, как вышел на дорогу. А что было дальше – нет. Открыл глаза – менты стоят.

А потом состоялся такой диалог между мной и сотрудниками ГАИ.

Один из гаишников говорит:

– А давайте не будем дорожную оформлять.

– Как так не будем? Что я напишу? Как он травму получил? Травма-то серьёзная. Госпитализация гарантирована.

Ответ просто убил:

– А давайте напишем, что он с дерева упал.

– Да в своём ли Вы уме?! До ближайшего дерева метров 100! – указываю в сторону кромки леса.

– Так он дополз потом от дерева сюда.

– А зачем он туда полез?

– Да кто ж его знает? Пьяный же!

Мне порядком надоел этот спор. Отвечаю:

– Вы, как хотите, а я напишу, что травму он получил в результате столкновения с неизвестным автомобилем. Тем более, что деталь от машины вон лежит.

После этого мы увезли пациента. Что там гаишники понаписали и искали ли они водителя – не знаю. Всю дорогу потом ворчала про ленивых людей и о том, что я о них думаю.

История с танком.

Дело было в восьмидесятых. Я тогда ребёнком была и, на моё счастье, не присутствовала при этом происшествии. Точное число пострадавших обычным обывателям было неизвестно. А детям уж и подавно. Расскажу, что помню из того, что услышала.

В нашем городе расположена танковая воинская часть. Недалеко от города есть военный полигон, где проводились учения. В то время военная техника иногда проезжала по улицам города. Если ехать от воинской части к полигону по городской улице, то в одном месте (перед выездом из города) есть перекрёсток своеобразный. Главная улица идет прямо с небольшим креном вправо. А с левой стороны в основную доро- гу под острым углом вливаются две другие улицы. Вот на этом перекрёстке и произошло ДТП с участием танка и маршрутного автобуса.

Есть у нас маршрутный автобус. Часто его называют «кольцевой», потому что его маршрут проходит через весь город как бы по кольцу. В то время город наш был ещё маленьким. Все друг друга знали, поэтому и стали известны некоторые подробности: кто что сказал и что сделал. Автобус был полупустой, на одной из остановок в автобус села пожилая женщина. Зашла в переднюю дверь и сразу сделала попытку поскандальить: «Молодой человек! Уступи место! Обнаглели совсем!». «Молодой человек» скандалить не хотел. Пожал плечами, встал с места и ушёл в конец автобуса. Благо, мест свободных было много – сел и поехал дальше...

Ехал танк с полигона в сторону части. Ехал по главной. А навстречу ему двигался маршрутный автобус. Тоже по главной. Но на перекрёстке, согласно маршруту, автобус должен был повернуть налево. Оба водителя видели друг друга. Оба решили, что успеют, и увеличили скорость...

Танк на повороте на полном ходу въехал в автобус. Ствол пушки пробил автобус насквозь. Знаю, что погибло более двух человек, в том числе и скандальная женщина. Говорили, что её потом из-под пушки автогенном вырезали. Погибла женщина из соседнего с моим подъезда. Это знаю точно. Про других не в курсе. Это сейчас обо всём пишут в СМИ, а тогда старались такие вещи не афишировать. Были в этом ДТП и тяжело раненные, но были и только с психологическими травмами. Например, тот молодой человек, что место уступил. Говорят, даже ссадин у него не было. Бывает же так.

Много позже, когда я уже на скорую работать пришла, одна из сотрудниц (сейчас её нет уже в живых) рассказывала, что побывала на этой аварии. Когда приехала бригада скорой помощи, увидели женщину, бегавшую вокруг автобуса. У этой женщины были сломаны лодыжки на обеих ногах. Переломы открытые, ступни ног были вывернуты наружу. И она бегала вокруг места аварии на этих кульнях и кричала. Реактивная фаза шока – редко когда увидишь. Так что бригада сначала отлавливала женщину, потом силком вводили ей внутривенно реланиум. И только после этого смогли оказать этой женщине медицинскую помощь. Про остальных пострадавших моя коллега не рассказывала. Сказала, что им только эта «досталась» ...

Вот такая история с танком, где все «успели». Город гудел. Все только об этом и говорили. Что стало с водителями – не знаю, врать не буду.

Везунчик.

ДТП бывают разные. Бывает, что люди погибают, а бывает, что страдает только «железо». Но в большинстве случаев участники ДТП выражают негативные эмоции, гораздо реже не выказывают вообще никаких эмоций – это те, кто умеет держать себя в руках. И это понятно. Даже если люди не пострадали, впереди много неприятных хлопот, трата денег и времени. Оттого-то люди и печальны. Но я хочу вам рассказать о ДТП, участники которого улыбались. Итак...

Летний день. Поступает вызов. На тракте ДТП: машина улетела под откос. Есть ли пострадавшие – неизвестно... Скорую вызвали свидетели ДТП, проезжавшие мимо места происшествия в это время. Диспетчер отправляет нас на ДТП и передаёт информацию в ГАИ. А там уже в курсе и отправили на место свой экипаж, но информацию о пострадавших ещё не получали.

Подъезжаем к месту событий. Видим машину гаишную и сотрудников ГАИ, рядом двух молодых мужчин, лет двадцати пяти. Один из парней (потом выяснилось, что водитель) находился в возбуждении. Всё время приговаривал:

– Вы думаете, что я не понимаю? Я всё-всё понимаю. Я же везунчик! Вы только посмотрите на машину! Вся морда – в хлам! Восстановлению не подлежит совершенно! А у нас НИЧЕГО! Совсем ничегошеньки. О! Я – везунчик!

Он машет рукой в сторону откоса. Под откосом, уткнувшись капотом в сосну, стоит машина. Весь перед разбит: он даже как бы немного огибает дерево, в салоне видны раздувшиеся подушки безопасности.

Парень продолжал:

– Нет. Пострадавших нет. И записывать никого не надо. Ты ведь не пострадал? – кивает головой в сторону второго парня.

Друг отвечает:

– Нет. Не пострадал.

Всё же мы уговорили «хотя бы посмотреть, без записи». И действительно, повреждений почти нет. У водителя лишь ссадина на лбу. У обоих – следы от ремня безопасности в области ключиц. И всё. Один из сотрудников ГАИ пытается умерить радость водителя:

– У тебя же машина в кредите.

– Да пофиг! Разберёмся! – слышим мы в ответ. – Главное, что мы оба живы и здоровы. Нам очень-очень повезло.

И все присутствующие улыбаются, заражённые оптимизмом молодого человека, который правильно понимает жизнь. Возвращаясь на базу, поймала себя на мысли о том, что хотела бы, чтобы мы были с ним друзьями. И хорошо, чтобы побольше было таких людей на земле.

ДТП с ножевым.

Дело происходило в начале нулевых годов. Машин у населения было мало, по ночам редко кто проезжал. Такси в нашем городе было, но одна или две фирмы. Это сейчас их не сосчитать. А вот частный извоз тогда был обыденным явлением. В это время в стране царил разгул героиновой наркомании и преступлений, связанных с наркотиками, – кражи, грабежи, убийства и прочее.

Зимой около трёх часов ночи поступает вызов: ДТП на улице Ленина. Приезжаем на место. На обочине стоит машина с выбитыми стёклами. На водительском сидении, навалившись на руль, сидит молодой мужчина, одетый в джинсы и джемпер. Он весь мокрый от пота, от тела через разбитое стекло со стороны водителя валит пар. Парень в сознании, но очень слаб. Глаза прикрыты. Стонет. Сам не может выбраться из машины. Мы втроём (доктор, я и водитель) вытаскиваем пострадавшего из машины, грузим на носилках в наш автомобиль. В салоне холодно: водитель из экономии в салоне автомобиля печку не включал. Стучим в окошко к водителю: «Включай печь!». Но пока прогреется салон автомобиля, время пройдёт, а пациента уже начало потряхивать от холода. Снимаю с себя куртку и укрываю пациента. Потом мне тётки выговаривали: «Зачем ты это сделала? Ты не должна была так делать, да и на фиг надо. Я бы ни за что не стала так поступать!». Злые у нас тётки тогда работали.

В это время открывается дверь в машину и появляется гаишник с вопросом:

– Он пьяный?

Мы хором с врачом:

– Дверь закрой! Холодно! Я добавляю:

– В приёмнике узнаешь.

Двери закрываются. Спрашиваем у пострадавшего:

– Что болит? Что случилось? Ответ удивляет:

– У меня ножевое ранение в грудь.

Поднимаем джемпер и видим в области сердца колото-резаную рану. Впоследствии оказалось, что нож чуть ли не в миллиметре от сердца прошёл. Пока оказываем помощь и везём в больницу, парень рассказывает свою историю.

Днём работал. По ночам занимался частным извозом: на свадьбу копил. И вот остановил его парень какой-то, попросил довезти в частный сектор, но адреса конкретного не назвал. Уже когда пассажир был в машине, водитель разглядел, что «нарика» посадил. Когда приехали на место, пассажир «расплатился» ударом ножа в грудь, выскочил из машины и убежал.

Дело было на главной улице, ведущей из города. Улица широкая. Ночь. Сидит в машине мужчина с ножевым ранением в грудную клетку. И нет ни одной машины, чтобы проехала мимо. Мобильников тогда ни у кого не было. Пострадавший понимает, что помощи может не дожидаться, до ближайшего дома ему не дойти – сил нет. Тогда он решает попробовать самому доехать до больницы. Он проехал уже две трети пути, когда «не справился с управлением». Машина перевернулась. Кто-то из жителей ближайших домов услышал шум, увидел ДТП из окна и вызвал скорую помощь.

На скорой часто так бывает – едешь на одно, а попадаешь совсем на другое. Поехали на ДТП, а попали на ножевое. Каждые сутки полны неожиданностей. Что ещё добавить? Потом мы интересовались судьбой молодого человека. Выжил. Был выписан домой вполне здоровым.

Двойное ДТП.

Несколько лет назад мои коллеги ездили на одно ДТП, о котором периодически вспоминают до сих пор. Дело было так. Парень с девушкой ехали по объездной дороге – по ней весь транзит мимо нашего города идёт. Увидели обезображенное тело человека, остановились на обочине, чтобы разглядеть, что это лежит. И тут в них въехал другой автомобиль. Этот автомобиль двигался в том же направлении. Водитель видел, что первая машина съехала на обочину, а почему – не знал. Подъехав к телу на трассе на скорости, чтобы не наехать на труп, повернул резко вправо и врезался в автомобиль, припаркованный на обочине. Девушка ударилась головой о лобовое и получила сотрясение головного мозга. Диванный аналитик тут же начнёт критиковать действия второго водителя. И напрасно. Мало кто сможет контролировать свои действия, когда неожиданно увидит изувеченный труп, без головы и без ног. Скорее всего, какой-то большегруз на скорости подмял под себя человека, протащил под машиной его, а потом скрылся с места происшествия. А может, водитель даже и не понял, что сбил кого-то.

Приехала бригада скорой помощи и ГАИ. Пока фельдшер оказывал помощь девушке и заполнял документы, врач в сопровождении работника ГАИ ходил по мосту, по которому были разбросаны останки человека. Ему потом ещё карту вызова на труп заполнять надо было, а значит, описывать то, что осталось. Голову погибшего так и не нашли. Думаю, что её всё равно потом отыскивали, но скорая уехала, не дождавшись. Были у неё и другие неотложные дела.

Разрыв селезёнки.

Одна молодая семейная пара поехала в областной центр. Были они в машине, когда попали в ДТП. После ДТП бригадой скорой помощи были доставлены в дежурную больницу с диагнозом «тупая травма живота». После осмотра хирургом и травматологом отпущены домой с диагнозом «ушибы мягких тканей». Супруги вернулись домой.

Всё это произошло в четверг. На следующий вечер, в пятницу, вызвали скорую помощь к себе домой, потому что мужу внезапно стало плохо. Приехала скорая. Осмотрела – живот напряжён, симптом «Ваньки-встаньки» (это когда ни сидеть, ни лежать не может), тахикардия (учащённое сердцебиение), но кровяное давление в пределах нормы. Отвезли в больницу с диагнозом «разрыв селезёнки».

Пациента прооперировали. Он шёл на поправку, когда в это же отделение поступила его жена. Это было уже в понедельник. Мама пациента договорилась со снохой, что после обеда вместе пойдут в больницу навестить сына и мужа. Почему решила в восемь часов утра позвонить к снохе, свекровь не знает. «Как что-то толкнуло», – сказала она потом. На звонки сноха не отвечала. Тогда свекровь пошла домой к супругам. На звонок в дверь ответа не последовало. Дверь открыла своими ключами. В квартире в ванной обнаружила сноху в плачевном состоянии. Вызвала скорую.

Потом медики рассказывали:

– Как жива-то осталась? Лежит в ванной, вся синюшная, губы бледно-серые. Пошевелиться не может. Давление поначалу и определить не смогли. Вытащили из ванной и быстро на носилки, установили систему, стали струёй внутривенно лить кровозамещающие растворы и под сиреной с мигалками в больницу помчались. Там уже встречали хирурги и реаниматоры. Успели!

Пока всё делали, выясняли обстоятельства. Оказывается, ей тоже было плохо эти дни, но «терпимо». Потихоньку накачивала слабость, живот побаливал. Сегодня в восьмом часу утра пошла принимать душ. Разделась, залезла в ванну. В ванне девушке резко стало плохо, и она упала от сильной слабости. Подняться уже не смогла. Там спустя час её и нашла свекровь.

Почему так произошло? Почему сразу не поставили правильный диагноз?

Немного анатомии. Селезёнка – это непарный орган, расположенный в левой части брюшной полости. В медицинской литературе его часто называют хранилищем эритроцитов. Наружная поверхность селезёнки покрыта капсулой из плотной соединительной ткани.

Разрыв селезёнки.

Разрыв селезёнки – достаточно распространенное повреждение, которое встречается при различных высокоэнергетических травмах: падениях с высоты, промышленных, природных, железнодорожных или автодорожных катастрофах. Из-за высокой вероятности обильного кровотечения представляет непосредственную опасность для жизни, требует проведения немедленного оперативного вмешательства.

Но не всегда разрыв селезёнки можно сразу распознать. Выделяют следующие виды разрывов селезенки:

Контузия – наблюдается разрыв участка паренхимы при сохранении целостности капсулы органа.

Разрыв капсулы без значительного повреждения паренхимы.

Одномоментный разрыв селезенки – одномоментное повреждение капсулы и паренхимы.

Двухмоментный разрыв селезенки – разрыв паренхимы, за которым через некоторое время следует разрыв капсулы. Разрыв капсулы и паренхимы с самостоятельной тампонадой (мнимый двухмоментный разрыв) – разрыв паренхимы быстро «закрывается» сгустком

крови, и кровотечение прекращается еще до появления выраженной клинической симптоматики. В последующем сгусток вымывается током крови, кровотечение возобновляется.

Мнимый трёхмоментный разрыв – двухмоментный разрыв, за которым через некоторое время следует самостоятельная тампонада, а позже – свободное позднее кровотечение.

Трудности диагностики. Выявление разрыва селезёнки – довольно непростой процесс, требующий тщательного осмотра больного, сбора анамнеза, правильного трактования полученных данных инструментальных и лабораторных исследований. Установить факт стопроцентного разрыва кроветворного органа можно только во время проведения оперативного вмешательства. До проведения операции диагноз удается установить в 10-15 % всех фиксируемых случаях. Трудность диагностики заключается в том, что симптомы травмирования селезенки неспецифичны, они могут свидетельствовать и о любых других кровотечениях, локализующихся в брюшной полости. Анализа крови в первые несколько часов недостаточно, состав крови остается в пределах нормы. Диагноз устанавливается на основании клинических проявлений, результатов рентгенографии грудной клетки и брюшной полости. На рентгеновском снимке под куполом диафрагмы хорошо виднеется ограниченное просветление.

Правильно поставить диагноз проще, если происходит одномоментный разрыв селезёнки, если есть боль и симптоматика внутреннего кровотечения. Совсем другое дело, если капсула селезёнки цела, а сама селезёнка повреждена. Селезёнка потихоньку кровит. Кровь скапливается под капсулой, капсула растягивается. Дискомфорт, болезненность и чувство тяжести в левом подреберье сохраняются. А потом – БАХ! Капсула лопнула. Кровь излилась в брюшную полость. Боль в животе, сильная слабость, пациент не может ходить и сидеть из-за слабости, лежать на спине тоже не может, потому что боль усиливается. Такой пациент то ляжет, то сядет. Отсюда – симптом Ваньки-встаньки. Чаще пациент стоит в колено-локтевом положении или лежит в позе эмбриона. То же самое касается и мнимых двух- и трёхмоментных разрывов. Трёхмоментный разрыв ещё более оттянут во времени. В таких случаях крайне редко сразу ставят правильный диагноз. Данных слишком мало. Если есть другие серьёзные повреждения и пациента госпитализируют, то разрыв селезёнки выявится в условиях стационара. А если нет серьёзных повреждений, то пациент пойдёт домой. Или «чуйка» у доктора сработает, и он придумает диагноз для госпитализации. Вы не поверите, но иногда приходилось придумывать, с чем пациента госпитализировать, когда понимаешь, что надо, а не с чем.

Думаю, что в этой истории у мужа был двухмоментный, а у жены трёхмоментный разрывы.

Заключение. Подобные случаи бывают не только при повреждении селезёнки, но и повреждении других органов. Например, почек. Или при черепно-мозговой травме. Например, при возникновении внутричерепной гематомы. Есть такое понятие, как «светлый промежуток». Это когда после травмы вроде всё прошло и человек достаточно быстро начинает чувствовать себя удовлетворительно, а повреждённый сосуд в голове понемногу начинает подкравливать. И через некоторое время резко ухудшается самочувствие и появляются симптомы, говорящие о катастрофе в мозге человека.

Это я к чему? Да к тому, что надо быть к себе внимательнее и не стесняться. Если вам после травмы доктор говорит:

– У вас всё хорошо. Идите домой, а завтра всё пройдет.

Идите – доктору виднее. Если, конечно, чувствуете себя удовлетворительно. Если чувствуете себя плохо, настаивайте на госпитализации. Можете даже поскандальить. Но, если на следующий день вам не полегчало, тем более если стало хуже, надо вернуться обратно. Можно скорую вызвать, или чтобы вас кто-нибудь отвёз в больницу. Иногда быстрее получается, если есть кто-нибудь рядом с машиной и правом управлять ею. Можно и раньше повторно обратиться, не надо ждать завтрашнего дня, если наступило ухудшение самочувствия. Не бойтесь, если вас отругают. Не ждите, когда «само пройдёт». Само может и не пройти.

Сгорел на работе.

История эта произошла в декабре 2012 года. Около 3 часов ночи поступил вызов в посёлок К. Ребёнок пяти лет, высокая температура. Проснулась мама полчаса назад. У ребёнка температура 38,5. Дала жаропонижающее, а температура за 20 минут «не спала». Диспетчер попыталась уговорить маму ещё подождать, объясняла, что лекарство ещё не подействовало. Но мама настаивала. Очень хотелось маме, чтобы ребёнку «литичку» поставили. «Вызов записан. Ожидайте».

На вызов поехала врачебная бригада. Машина УАЗик. В то время часть машин на нашей скорой работала не на бензине, а на газе, в том числе и та, на которой отправилась в путь бригада. Газовый бак находился в правой половине машины. Получалось, что пассажир как бы сидел на баке с газом. Впереди два человека – водитель-пенсионер и врач, в салоне автомобиля – фельдшер-помощник. Как водится, ночью медики дремлют, а водитель управляет автомобилем. Подробности потом восстанавливали со слов медиков, которые сам момент столкновения не видели.

Водитель, проработавший полжизни на скорой, гонять не любил. Предпочитал неспешную езду. Так что никто не сомневался, что превышения скорости не было.

Ночь. Путь лежал через посёлок Б. Машин на дорогах в сельской местности по ночам почти нет. Дорога пустынная. В это же время в сторону посёлка Б. ехала машина. В машине сидели двое молодых мужчин в алкогольном опьянении. Потом уже выяснилось, что они с вечера пьянствовали у друга. Ближе к полуночи друг пошёл спать, а его гости, не спросив разрешения, взяли ключи от машины хозяина и поехали кататься. Парень, который сидел за рулём, уже был лишён прав за вождение в нетрезвом виде. В ДТП попали, когда проезжали посёлок Б. на перекрёстке. Машина скорой ехала по главной улице этого посёлка, когда в неё на большой скорости въехала легковушка, выворачивавшая со второстепенной дороги справа. От удара машина деформировалась. Врач ударился головой и потерял сознание, кроме того, его ноги оказались переломаны. Водитель через свою дверь (дверь с пассажирской стороны не открывалась из-за деформации) вытащил врача на дорогу. Зачем он полез обратно в кабину – неизвестно. Может, хотел по радиации сообщить об аварии, а может, за документами какими-нибудь... Водитель полез в кабину, и в этот момент произошёл взрыв, машина загорелась. Рабочая куртка, полностью синтетическая, вспыхнула моментально. Горящий водитель вывалился на асфальт из машины. Мимо ехал на джипе мужчина. Увидел аварию: две машины горят, по дороге, пытаюсь сбить пламя со спины, катается горящий человек, рядом с машиной еще один пострадавший не может встать из-за поломанных ног. Голени обеих ног были сломаны в нескольких местах. Мужчина при помощи огнетушителя и своей куртки потушил огонь на водителе. Скорую помощь вызвали жители рядом расположенных домов. Фельдшер, находившаяся в салоне, ударила головой и потеряла сознание. Она потом рассказывала:

– Очнулась – лежу на полу, ничего понять не могу: «Кто я? Где я?». Лежу в щели между сидением перед кабиной и передним концом носилок. Сейчас бы, даже если очень захотела, ни за что не затолкнуться туда. Машина горела, дверь заклинило. Попыталась бороться с дверями. Потом вспомнила про задние двери, через которые носилки выкатывали. Я схватила укладку, кардиограф и полезла к задним дверям. Через них и выбралась. Страшно в этот момент не было. Был шум в ушах, оглушение. Плохо соображала.

Но, несмотря на явное сотрясение головного мозга, она смогла начать оказывать помощь врачу. Когда приехала скорая, фельдшер уже обезболивала врача.

Итоги ДТП плачевны. Двое молодых парней погибли на месте – они сгорели в машине. Водитель умер в реанимации через три дня от обширных ожогов и ожоговой болезни. Вслед-

ствие сложных переломов обеих голеней в последующем врач получил инвалидность. Теперь он не может работать на скорой. Фельдшер после больничного продолжает работать на скорой. Кроме сотрясения головного мозга, имело место повреждение шейного отдела позвоночника. Теперь она на работе часто использует воротник Шанца.

P. S. К ребёнку с высокой температурой скорая всё же поехала. Но уже в шесть часов утра. Как-то забылось за всеми этими событиями про вызов. Беспокойная мама ни разу не позвонила и не напомнила про вызов. Когда другая бригада приехала на адрес, двери долго не открывали. Открыла двери заспанная недовольная мама. Оказывается, уже через 10 минут после вызова скорой температура у ребёнка снизилась, все легли спать. И теперь им уже не нужна скорая.

– Но раз уж приехали, зайдите и посмотрите ребёнка.

Зашли. Осмотр. Диагноз: «ОРВИ». Совет: вызывайте педиатров для назначения лечения.

P.P.S. Потом хозяин сгоревшего легкового автомобиля пытался потребовать с больницы компенсацию за сгоревшую машину. Но ему было отказано.

Ножевое в шею.

Вызов поступил в понедельник утром. Вызвала соседка. Сообщила, что у соседа ножевое ранение и адрес. Скорую вызывавшая встретила в подъезде. Рассказала, что утром пошла на работу и увидела, что дверь в квартиру открыта. Это показалось подозрительным, тем более что накануне вечером слышала шум из этой квартиры. Правда, шум был непродолжительным. Соседи быстро утомнились. Но всё же... Она сначала постучала и позвала хозяев. Но никто не ответил. Потом она заглянула в квартиру и увидела пострадавшего. Сразу вызвала скорую и полицию.

В прихожей на полу сидел молодой мужчина, а из горла у него торчал кухонный нож. По шее стекала кровь. Он был жив, но не мог разговаривать. Обстоятельства дела неизвестны. Врач мельком заглянула в комнату и увидела там разгром. Но некогда было рассматривать квартиру – пациент был в тяжелом, хоть и не в критическом, состоянии. АД в пределах нормы. Но состояние могло в любой момент ухудшиться. Сделали всё, как положено: венозный доступ, система с физиологическим раствором, обезболивающее. Зафиксировали нож в ране при помощи бинтов. На носилках в машину – и под сиренами в приёмный покой.

Знаем, что пациенту была успешно проведена операция. И, как всегда, мы так и не узнали, что случилось, кто его так и сколько времени он просидел в коридорчике. Главное, что выжил.

Берегите себя и своих соседей. Неизвестно, как всё обернётся. Быть может, однажды они спасут вашу жизнь.

По дороге домой...

Это было в конце нулевых годов. Около восьми часов вечера поступил вызов: «ножевое». Сразу выехали. В квартире, на диване, на животе лежал абсолютно трезвый мужчина. Под правой лопаткой – колото-резаная рана около 2 см длиной. Выясняем обстоятельства получения ранения.

Возвращался домой с работы. Мимо пробежали подростки. Вдруг почувствовал удар в спину и сильную боль. Окликнул парней:

– Вы чего?!!

Но они уже убежали. Лиц не увидел. Придя домой, попросил посмотреть жену спину:

– Глянь, что-то болит очень сильно.

А там от ножа след.

Не знаю, нашли ли виновных, но подобных случаев в нашем городе больше не было. Хотя слышала, что в некоторых городах прошла серия подобных преступлений. Подростки играли на «жизнь» в карты. Тот, кто проиграл, должен был ударить случайного прохожего ножом.

Когда человек устал.

Думаю, когда человек устал, он может спать везде. Эрих Мария Ремарк «Время жить и время умирать»

Считаю, что Ремарк был прав. И если вы устали и не можете заснуть, значит, вы недостаточно хорошо устали. Вот у нас, на скорой, когда тяжёлые сутки, по ночам все спят, если есть такая возможность. Или едят. Приезжают на базу – сначала документацию оформили, потом поели и сразу спать. Или не поели, но спать обязательно. По дороге на вызов и обратно бригада спит в машине. Исключение – водители. В дороге им спать не полагается, иначе не доедем до больных. Водители, пока ждут бригаду, зачастую тоже дремлют. Но им легче. Водители у нас работают по 12 часов. Перед сменой высыпаются, если нет еще какой-нибудь работы.

Однажды ночью приехала бригада скорой помощи к женщине 80 лет на нарушение ритма. В составе бригады врач и фельдшер-помощник. Врач выслушал бабушку, приступил к осмотру. После измерения давления стал пульс на лучевой артерии считать. Так делают, чтобы узнать дефицит пульса. Ну так вот. Врач держит бабушку за запястье, смотрит на часы. Глаза его закрываются, и он начинает храпеть. Всхрапнув, тут же встрепенулся, проснулся. Покраснел. Извинился. И продолжил подсчёт пульса. Больше он не засыпал на адресе. Быстро бабушку полечили и уехали. Этот врач в то время работал на 2,5 ставки на двух работах. Он очень уставал.

И никто бы не узнал об этом происшествии, если бы помощница не проболталась. Долго потом хихикали...

Случайность.

Большинство ножевых ранений происходит по одному сценарию. Пьянка → ссора между собутыльниками → драка, переходящая в поножовщину, → скорая помощь + полиция = больница или морг. Вот такая схема. Но начало бывает и другим.

Как-то раз в диспетчерской прозвучал телефонный звонок. Женский голос прорыдал:
– Ножевое у мужа моего. Приезжайте скорее.

Женщина назвала адрес и бросила трубку. Бригада, обслуживавшая этот вызов, потом рассказала. Приехав, застали мужчину, лежавшего на диване на животе со спущенными штанами, а рядом – рыдающую жену. В ягодице – колото-резаная рана 2 см длиной. Муж рассказал, что сел на диван, а в диване между подушками нож торчал. Получилось, что он сел на него. Бригада, оказав помощь, увезла пострадавшего вместе с женой в приёмное отделение. Но, хоть и убеждали супруги, что это была случайность, всё равно в полицию сообщили об инциденте. Чувствовалась какая-то недоговорённость.

И тут же одна из врачей вспомнила другой случай. Обычная семья. Жена, сидя на табурете перед мусорным ведром, чистила картофель. Муж сзади по кухне ходил и ворчал, бурчал, на ссору нарывался. Жена, психанув, сказала:

– Да заткнись же ты!

И бросила, не глядя, назад нож. Услышав грохот, обернулась. Муж лежал на полу, а с внутренней стороны его бедра торчал нож. Муж нож из ноги выдернул... и умер в течение нескольких минут от кровотечения. Скорая помощь приехала к трупам. Жена попала в бедренную артерию. Она попыталась сделать повязку, но всё равно не смогла остановить кровотечение. Специально ни за что не попадешь в бедренную артерию. А вот случайно – получилось. Убийство по неосторожности.

Во всех случаях семьи выглядели вполне прилично и были абсолютно трезвы.

Будьте осторожны со своими близкими. Даже крепко любящие вас могут быть опасны для вашего здоровья.

Сами виноваты?

Я проработала на скорой пару лет, когда повстречалась с бывшей одноклассницей Ольгой. Разговорились о том о сём. И про работу поговорили.

Я сказала:

– Только жаль мне одиноких стариков.

Ольга ответила:

– А чего их жалеть? Сами виноваты в том, что одиноки.

– Ну как сами-то? Их дети бросили на произвол судьбы. Не приезжают. Не помогают.

– Ну, так сами и виноваты. Воспитывать лучше надо было. Что воспитали, то и получили.

– А если был ребёнок, да умер? Тоже сами виноваты?

– Почему только одного родили? Надо было двух или трёх детей рожать. Один умер, а другой бы остался.

– А если бесплодие? Вот не получилось у женщины родить ребёнка...

– Усыновили бы. Знаешь, сколько детей по детдомам у нас? И все о маме с папой мечтают.

Этот разговор заставил меня задуматься. Доля истины в сказанном, пожалуй, есть. А в ближайшую смену попала я на вызов к старушке одинокой. И рассказала мне она, что когда-то была у неё большая семья: муж и три сына. Афганская война забрала старшего сына, первая Чеченская война младшего сына прихватила. Через 5 лет в ДТП погиб средний сын. Ни один из сыновей не успел жениться и оставить после себя потомство. А в прошлом году умер муж. И не осталось у неё близких родственников, дальних родственников она не знала. Как всегда, мне моя работа показала исключение из общего правила.

Расставаясь, никогда не знаешь, увидишься ли снова.

– Совсем как на фронте, – подумал он. – Расставаясь, никогда не знаешь, увидишься ли снова.

© Эрих Мария Ремарк «*Время жить и время умирать*»

У всех, кто длительное время отработал в медицине, происходит профессиональная деформация сознания. Особенно ярко выражена деформация у тех, кто работает в экстремальных условиях, – сотрудников приёмного отделения, службы скорой медицинской помощи и отделения реанимации. Они чаще других видят, как воля случая прерывает жизни людей либо калечит их тела.

Первое время мой любимый мужчина не понимал моего «приедешь домой – напиши или позвони».

Он отвечал:

– Можно подумать, я сейчас к любовнице поеду.

На мои пояснения, что я просто боюсь за его жизнь и здоровье, возражал:

– Я хорошо вожу машину и уверен в себе.

Я каждый раз отвечала:

– А ты уверен в том, что хорошо водит машину тот, кто навстречу тебе выедет? Или в том, что тебе не встретится пьяный дурак, который перед твоей машиной решит перебежать дорогу? Да мало ли что ещё может случиться. Просто позвони или напиши смс.

Но со временем перестал острить на эту тему. И теперь сам с меня требует: «Напиши, как доедешь».

Расскажу случай, который произошёл с одним моим хорошим знакомым. Его звали Дмитрий, и был он мужем моей подруги.

Поехал как-то Дмитрий со своими друзьями на природу отдыхать. Машины возле дороги оставили. Неподалёку соорудили мангал, шашлычок приготовили из курицы. Посидели, поели, отдохнули. И пошли всей толпой к озеру, что было километрах в двух от места пикника. К озеру через лес вела узкая тропинка. Шли друг за другом по одному. Дима был замыкающим. Стояла жара, и всем хотелось купаться. Дойдя до озера, тут же раздевались и плюхались в воду. Наплававшись вволю, вышли на берег. Глянь – а Димки нет. И одежды его тоже.

Пошли в обратный путь искать. Дошли до машины – нет Димы. Опять к озеру пошли, но уже стали осматривать и ближайшую к тропе территорию. В одном месте тропа подходила вплотную к оврагу. Вот там, на дне оврага, Диму и увидели. Дмитрий был весь в ссадинах и земле, и он был мёртв. Его сразу не нашли потому, что кустами овраг порос, через кусты сразу и не увидишь.

Вскрытие потом показало, что подавился Дмитрий куском шашлыка. Шёл он по тропе и ел мясо. Приотстал немного. Подавился. А рядом никого не было, чтобы помочь. Упал и скатился в овраг, где его потом и нашли. Вот такая нелепая смерть. А расставались с женой ненадолго совсем – до вечера.

Берегите себя и своих близких. Жизнь человеческая очень хрупка и может в любой момент прерваться.

Избили.

Зима. 3 часа ночи. Повод к вызову – избили. Место вызова – квартира. Диспетчер поясняет, что скорую вызывает сама пострадавшая. Её избили на улице. Вернувшись домой, решила вызвать скорую. В эту смену я работала одна. Но «избили» и «пришла домой сама» – значит, ничего страшного. Можно и одного человека на этот вызов послать. Если есть выбор, конечно же.

В квартире полумрак. В комнате горит лампочка на 40 Вт. Кругом бардак, если не сказать другого слова. На диване сидит женщина 56 лет. Пьяная. Одежда в крови, волосы на голове, слипшиеся от крови, колтуном. Спрашиваю:

– Что случилось?

Женщина отвечает, что по дороге домой её избили, отобрали шапку и сумку. Она рассказывает:

– Подбежали сзади, толкнули в спину. Повалили на землю. Я даже лиц увидеть не успела. Всё так быстро произошло.

На вопрос: «Где болит?» ответила, что голова. Осматриваю. В теменной области ушибленная рана около 4 см длиной, слабо кровоточит. На всякий случай прошу снять кофту. Мало ли. Она пьяна – не всё помнит, да и боль может не почувствовать. Помогаю раздеться. А в области лопатки – колото-резаная рана. Непроницающая, но всё же... В очередной раз думаю о том, что пациента надо смотреть полностью. Мало ли что он тебе расскажет. Бывают и неожиданности. Хороша бы я была, если бы привезла ножевое ранение, не оказав помощь.

Обезболиваю. Накладываю повязки. Вроде всё. Можно ехать. Женщина встаёт с дивана. Обращаю внимание, что штаны очень уж мокрые от крови. Говорю:

– Так, голубушка. Давай-ка и штаны снимем.

А там ещё одно ножевое – прямо в левую ягодичную область. И кровушка стекает тоненькой струйкой по ноге. Ещё 20 минут на адресе. Повязку новую наложить, да так, чтобы не свалилась, переодеться и до машины добраться.

Моя работа полна неожиданностей. На ней (на работе) глаз да глаз нужен. Думала: побыстрому побитую до приёмника довезу, но пришлось поработать на адресе.

История одного самоубийства.

Это история одного парня. Его звали Денис.

Денис был другом моих студенческих друзей. Так как я проживаю в другом городе, мы видимся редко. Но на свадьбу к одному из них меня пригласили. Вот там-то я впервые и увидела Дениса. Пообщались. Приятный молодой человек. Хорошо воспитан, интеллектом не обделён. Поболтали о том о сём. Рассказал о себе. Впервые сахарный диабет у него выявили в возрасте пяти лет. Примерно в это же время развелись его родители, Денис остался жить с мамой. Мальчик рос, учился неплохо. Школу закончил на 4 и 5. Поступил в университет. Когда мы разговаривали, он учился на втором курсе. Потом, приезжая к друзьям в гости, я пару раз пересекалась с Денисом. Но близко мы не сошлись.

Последний раз я его видела через пару лет на свадьбе другого своего однокурсника. Денис изменился. Был хмур, сидел в уголке, ни с кем не общался. Подсела. Спросила, как дела. И Денис рассказал. Оказывается, он в течение года потерял зрение. Произошла отслойка сетчатки глаза. Сделали две операции – без результата. Сетчатку подшить не удалось. Зрение на момент нашего с ним общения было на уровне свето-ощущения. То есть Денис видел только свет и тень, в сером свете размытые тёмные контуры. Конечно, ни о какой учёбе не могло быть и речи. Денис сказал, что врачи ему посоветовали смириться со слепотой: сахарный диабет не даст сетчатке прирасти. Потом я поговорила с его друзьями. Они сказали, что всё время пытаются Дениса вытаскивать из дома. Первое время он ещё охотно с ними выходил погулять да в гости, но каждый раз всё реже и реже. И всё время жаловался на жизнь и на то, что впереди его ничего не ждёт и что всем на него наплевать... Вот на свадьбу прийти он согласился, а до этого его два месяца никто не видел. Денис жил в двухкомнатной квартире с мамой. Мама в последнее время стала злоупотреблять алкоголем. Ребята Денису звонили, но к телефону он не подходил. Отвечала на звонки мама Дениса. Говорила, что Денис не хочет ни с кем разговаривать. А через полгода после той встречи Дениса не стало.

Мама Дениса в очередной раз была в запое. В это время Денис перестал ставить себе инсулин. Когда мама наконец-то обратила внимание на своего сына, Денис был в коме. Дальше – реанимация, морг и похороны. Друзья говорили, что Денис оставил предсмертную записку, где просил никого не винить и объяснял, что не может дальше жить слепым и «отдаётся на волю Богу».

Очень жаль Дениса и людей, попавших в подобную ситуацию. К большому сожалению, в нашей стране не работает служба реабилитации инвалидов. На бумажке-то она есть, а в реальности? Денису нужна была помощь психологов. Но кто бы его туда отвёл?

«Боженька отвёл».

Есть такая присказка: «Боженька отвёл». Это когда тебя судьба от возможной беды в другую сторону увела. Вот об этом и будет история.

Любовь подростковая прекрасна и опасна. Очень чувственная, эмоциональная. И вроде всё для любви уже выросло, кроме мозга. Иногда таких дел натворят юные влюблённые, что родители за голову хватаются. И хорошо, если вовремя «Боженька отведёт»...

Моей двоюродной сестре было 14 лет, когда она влюбилась в парня старше её на 3 года. Звали его Олег А. Они «дружили». То есть за ручку держались, на танцах вместе танцевали, в кино ходили да по улицам гуляли. Это сейчас дети рано половой жизнью начинают жить, а во время моей юности это было не принято. Первый поцелуй тоже с Олегом. Но дальше – ни-ни!

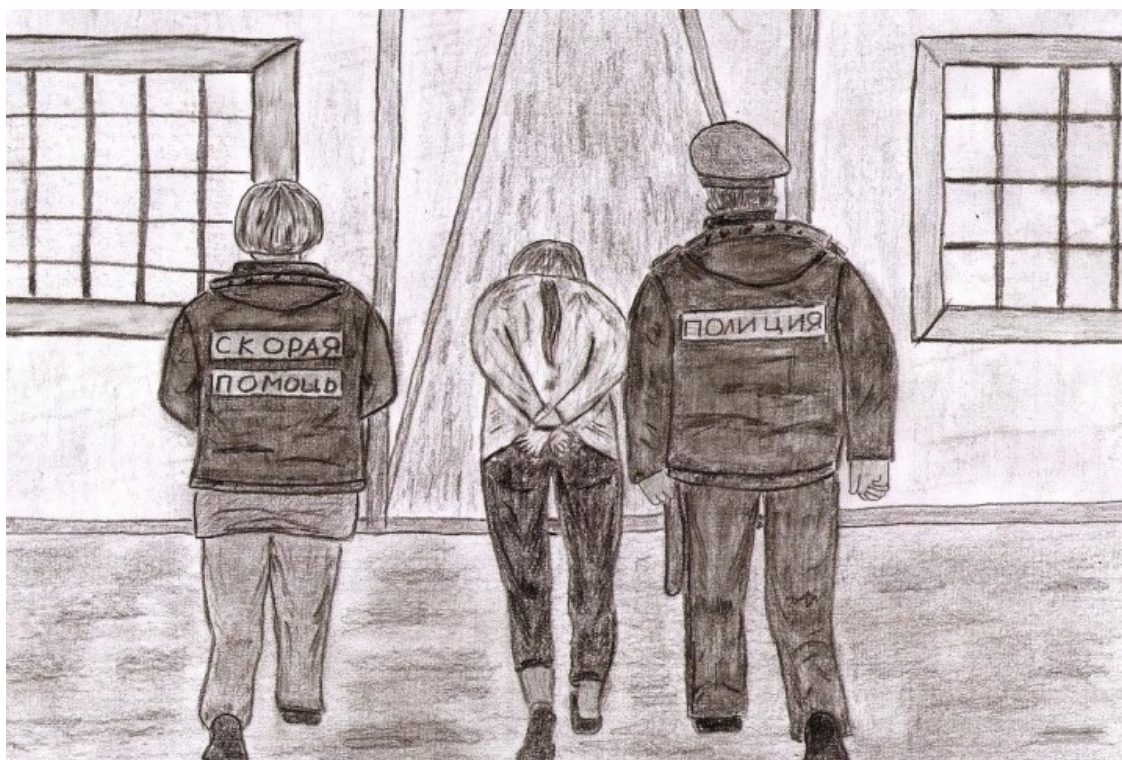
И тут Олег бросил мою сестру. Ушёл к однокласснице моей сестры Лене. За глаза поговаривали, что «она ему даёт». Слёз-то у моей сестры было! Депрессия. Сестрёнка моя всё свободное время в кровати лежала да себя жалела. Есть не хотела. С подружками не гуляла. Но потом прошло – время всё сгладило, жизнь продолжилась. И даже с Ленкой снова общаться начали. Через год Олега забрали в армию. Попал он в Афганистан, но вернулся жив-здоров. После возвращения они с Леной поженились. Родился сын. Как они жили дальше, я не знаю. Судьба развела нас в разные стороны.

С Олегом я встретилась только через 15 лет. Увозила его в психбольницу с обострением шизофрении. Тогда и узнала, что дебют шизофрении у Олега произошел через несколько лет после войны и что был он самым опасным психбольным в нашем городе. Тогда психбольных до больницы сопровождали вместе с медиками бойцы ОМОНа. На сопровождение обычных пациентов давали одного бойца, а на сопровождение Олега присылали не менее трёх. Он сопротивлялся, применял приёмы рукопашного боя. Олег служил десантником и знал, как отбиваться от неприятеля. Олег, находясь в психозе, во всех окружающих людях душманов видел и бился с ними не на жизнь, а на смерть. Когда я встретилась с ним, он уже не был так опасен. Длительное лечение сделало его более покладистым. И сопротивления при госпитализации Олег не оказал.

Сначала думали, что это заболевание началось из-за участия Олега в боевых действиях. Но через несколько лет после начала заболевания у Олега привезли в психбольницу его младшего брата с дебютом шизофрении. Брат Олега не был в армии вовсе, но и у него началась шизофрения. И теперь братья лечились в психушке по очереди. Уже позже узнали, что, оказывается, дед Олега по отцовской линии умер в психбольнице. Вот такой «скелет в шкафу» открылся. В некоторых случаях шизофрения передаётся по наследству. Дальнейшую судьбу Олега и его семьи я не знаю. Но не удивлюсь, если однажды я приеду к его сыну.

Данный случай иллюстрирует поговорку «Всё, что ни делается, делается к лучшему». Просто не всегда мы можем увидеть замысел судьбы.

Тебя сегодня бросила девушка? А от тебя ушёл парень? Не жалеете. Может быть, вас Боженька отвёл и сберёт для лучшей судьбы.

Умирают всегда слишком рано.

Умирают всегда слишком рано, даже если человеку девяносто.

© Эрих Мария Ремарк «Время жить и время умирать»

Иногда мои коллеги, приезжая на вызов к пожилым и очень пожилым людям, говорят родственникам:

– А что вы хотели в этом возрасте? В эти годы лучше уже не будет.

А на скорой потом ворчат:

– На том свете бабке (или деду) уже прогулы ставят, а они всё её (или его) омолодить мечтают.

Я всегда на такие речи после отвечаю:

– Естественно, что мечтают. Мне, например, моих бабушки и дедушки до сих пор не хватает.

Конечно, легко рассуждать про «прогулы на том свете», когда это касается посторонних людей. Но эти старики – чьи-то бабушка и дедушка, мама и папа. И даже 90 лет – это рано, если человек дорог. Понимаю, что здесь можно бесконечно спорить о том, что в некоторых случаях лучше... Я не об этом.

Моему деду было 80 лет, когда он умер. Жизнь его была насыщена событиями. В шестилетнем возрасте он попал в Китай. Один. Рыболов, охотник, с удивительным чувством юмора, прекрасный рассказчик. Как мне не хватает его историй! Сейчас я бы их записывала на видео. А тогда просто слушала. Но память – предательница: стёрты из неё многие рассказы деда. Мы вместе ходили на зимнюю рыбалку. Удивляюсь, как я не мёрзла там. Вместе за грибами ходили. Да и много чего другого мы делали вместе. И это у него я научилась жарить картошку. Я очень любила дедушку. Прошло уже больше 20 лет, как его не стало.

Моей бабушке в момент смерти было 83 года. Она родилась в Китае, там же вышла замуж за моего деда. Историй рассказала мало. Но как она готовила! Булочки, которые она пекла, неделю потом как свежие были. Я ни разу не слышала, чтобы в доме бабушки ругались. Дома всегда было тепло и уютно. Атмосфера защищённости от всего на свете. В гостях у бабушки с дедушкой на меня всегда умиротворение находило. Бабушка, моя любимая бабушка, как же я по ней скучаю. Очень жаль, что в последние годы её жизни я мало уделяла ей времени.

Я прекрасно понимаю, что нельзя человека бесконечно удерживать в этом мире. Все когда-нибудь умрут.

На похороны деда пригласили священника. Дед был верующим, и родные решили провести обряд погребения по всем правилам. Свою проповедь священник закончил словами:

– А теперь подойдите к гробу, проститесь с усопшим и попросите у него прощение за всё, что вы сделали и не сделали для усопшего.

До прощания я как каменная ходила. Ни слезинки. И разговаривать не разговаривала. А когда попросила прощения у деда за то, что не сделала, что-то во мне растаяло – и я расплакалась. Я очень много для него не сделала. Как, впрочем, и для бабушки. Бабушку тоже священник отпевал, но это был уже другой человек, и проповедь была другой, какой-то официальной что ли. Душу не задела.

Я не призываю всё время своё посвящать близким людям. Нельзя постоянно за ручку держаться. Но можно чуть чаще встречаться. Приезжать не только на праздники и в памятные даты, а заезжать в обычные дни. Можно на полчаса подольше задержаться и дослушать историю «из молодости» до конца, а не убегать со словами: «Некогда мне, потом доскажешь». Потом может и не насыпать.

Приходя на могилки, я всегда говорю:

– Бабушка и дедушка, простите меня за всё, что я для вас не сделала.

Ножевое в голову.

Повод к вызову – «ножевое ранение» – не всегда означает «жесть». Иногда это чистой воды курьёз. Но, как сказал когда-то Лермонтов, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Недавно вспомнила один вызов.

Вызовов было много. Работали «по рации». Пару часов уже не заезжали на скорую. Я работала одна. «Отзваниваюсь» по рации:

– Свободна.

Меня тут же на ножевое отправляют. Место вызова – на улице возле магазина. Повод – ножевое в голову. Блин! Пока ехала, несколько вариантов придумала, куда там можно попасть. В глаз? В ухо? В висок? В щёку? В подъязычную область? Попутно продумываешь порядок действий.

Как часто нас обманывает действительность! Подъезжаем. На крыльце сидит такая пьяная «синявочка» с «силиконовыми» губами. Ко лбу прижимает грязную тряпочку, ранее бывшую носовым платком. Убираю тряпочку. А под ней вертикально, начиная от переносья и до середины лба, протянулась ушибленная рана. Рана уже не кровоточит и не требует наложения швов, но пациентка находится на улице. А это значит, что надо везти в приемное отделение. «Красавица» по дороге в больницу рассказала, что пила она сегодня с «другом сердечным». «Догонялись» они на крыльце магазина, закуску ножом сожитель резал, но чего-то не поделил с сожительницей. И любимый мужчина в пылу ссоры ударил тупой частью ножа возлюбленную свою прямо по лбу. Рассек кожу. Испугался и убежал. Скорую помощь вызвали прохожие.

Самое «ножевое» из всех «ножевых»!

Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

© М. Ю. Лермонтов

В эти сутки работала у нас диспетчером Люся. Женщина импульсивная, эмоциональная, но добрая и очень жалостливая. Я же была помощником у врача. После вызова сообщаем по рации, что бригада свободна. Тут же диспетчер взволнованным голосом передаёт адрес и говорит:

– Там ножевое ранение! Сильнейшее кровотечение! На попытки узнать подробности слышим:

– Да я и сама не знаю. Позвонила женщина, сказала адрес и что ножевое. И она тааак плакала! Я уж не стала её мучить...

Ну что? Включаем спецсигналы и едем побыстрее. Дом без лифта. Этаж пятый. Мухой взлетаем наверх. Дверь в квартиру не заперта. Заходим. Зовёт женский голос:

– Проходите на кухню. Я здесь.

На кухне стоит молодая женщина, держит вверх левую руку. Рука обёрнута полотенцем. Медленно разворачивает полотенце. А под ним... О ужас! Указательный палец с одним порезом. Резаная рана уже не кровоточит. «Но Вы знаете, было столько крови!». Доктор с досадой плюнул на пол, развернулся и ушёл.

А я осталась оказывать помощь. Ведь не могла же я её бросить, беспомощную такую. Забинтовала пальчик. Благо, бинтик в кармане всегда ношу с собой, так как доктор ящик с собой унёс. Объяснила, что если пройти буквально всего один квартал, то будет поликлиника. А там есть травмкабинет, где пальчик могут помазать зелёнкой. Но можно и не ходить... Вот такое вот «ножевое ранение».

Не верите? Поспрашивайте «скоровиков» с большим опытом работы. Они и не такие случаи расскажут.

Жаль, что легко отделается.

В смену 13.06.2017 на вызове я стала свидетелем безобразного поведения одного мужчины. Возмущению моему, да и не только моему, не было предела.

Вечером поступил вызов: на улице, возле свалки (примерный адрес такой-то), лежит мужчина с разбитой головой. Приезжаем. Нас встречают трое парней. Стоят возле своей машины и в сторону свалки рукой машут. Мы туда сразу и проехали. Из машины вижу, что между мусорным контейнером и самопроизвольной свалкой мусора лежит на спине мужчина и спит, а рядом на дорожке лежит стаффордширский терьер (мне потом ребята рассказали, как порода называется).

Вот такая прелесть охраняет своего бухого хозяина. В ошейнике, с поводком, который никто не держал, но без намордника. Когда я открыла дверь машины и попыталась выйти, пёс подскочил с земли, шерсть у него на спине встопорчилась каким-то ирокезом, он оскалился и зарычал. Я, конечно, обратно в машину юркнула и через открытое окно говорю:

– Ну и чего ты зарычался?

Пёс закрутил хвостом, но скалиться не перестал. Когда мы отъехали, собака улеглась обратно сон хозяина охранять. Подошла к вызвавшим «скорую». Говорю, что боюсь к нему подходить, а они мне хором отвечают:

– Мы тоже! Поэтому мы и полицию вызвали.

Тут же подъезжают полицейские. В этот раз были они молодцы: не стали задерживаться. Подъехала машина ДПС. Полицейский выслушал нас и пошёл проверять наши слова. Тут же вернулся обратно и стал звонить в дежурную часть. Спрашиваю: «Что дальше?». Отвечает, что хочет вызвать кинологов. Еще минут через пять подъезжает полицейская машина с тремя полицейскими, одетыми в бронежилеты. Выясняется, что в нашем городе кинологов не держат. Один из полицейских со словами «да я его сейчас» идет в сторону контейнера с мусором и тут же возвращается обратно:

– Я пас, пожалуй.

Тут водитель говорит:

– Я его машиной отгоню.

Пытается подъехать к мужику с нашей стороны, то есть со стороны ног, но пёс лежит со стороны головы, а мимо лежащего не проехать. Сделав большой круг, подъезжает с головного конца. Пёс встаёт над хозяином и начинает рычать. Тогда полицейский начинает брызгать собаке в морду из «перцового» баллончика. Пёс ложится возле головы хозяина. Пьяный продолжает спать. Тем временем сотрудник ДПС отгоняет любопытных детей и взрослых. Сначала прибежал пацан, посмотрел, убежал и тут же вернулся с мальчиком и девочкой. Они стали потихоньку подходить «посмотреть». Внимание на них обратила женщина, наблюдавшая за всем из окна. Закричала на них:

– Куда идёте? Марш домой.

Дети убежали. Через несколько минут первый пацан вернулся ещё с двумя, но уже на велосипедах. На них полицейский заругался. Пацаны не испугались, но отошли и стали наблюдать издали.

Полицейский четыре раза брызнул собаке в морду, прежде чем я не выдержала и стала ругаться на полицейских:

– Это называется жестоким обращением с животными! А если он сейчас сдохнет, то это будет порча чужого имущества! Прекратите травить пса!

– А что же нам ещё делать? – спросил полицейский, но брызгать перестал.

Пока мы с ним препирались, пёс встал. Пошатываясь, отошёл от хозяина метра на три и стал обтирать нос о траву. Наша машина стояла примерно в тридцати метрах от места орошения собаки с хозяином содержимым баллончика, и то мы кашляли и чихали. Бедный пёс. Но действительно, не сидеть же нам до ночи в ожидании, пока проспится это тело. Пёс стал ходить кругами, постепенно расширяя диаметр своего пути, попутно он тёрся носом о траву. Проходившая мимо женщина заругалась:

– Возьмите собаку на поводок!

Обошла собаку по кругу и «уплыла» вдаль. Когда стаффорд достаточно далеко отошёл, водитель открыл дверь машины и потормозил мужика. Мужик стал просыпаться. Через некоторое время он встал на ноги. Долго пытались заставить его позвать собаку. Пёс бегал в отдалении. Узнали, что зовут пса Макс. Я стаффорда подозвала. Полицейские пытались объяснить пьяному, что собаку надо в заднее отделение машины посадить. Хозяин собаки сначала не понимал, что от него хотят. Потом взял за ошейник и потащил пса. Пёс идти не хотел. Я думала, что этот урод мужчина задушит собаку. Начал вываливаться язык, и пёс захрипел.

Я закричала на хозяина собаки. Полицейские стали ругаться, а потом уговаривать пьяного взять собаку за поводок, а не за ошейник. Когда наконец до пациента дошло, что от него хотят, он отвёл собаку за машину. Но пёс не полез в заднее отделение. Тогда хозяин отдал поводок сидящим в машине полицейским. Окно у них было открыто. Пёс вёл себя миролюбиво, уже не рычал. Но полицейские предпочитали сидеть с закрытыми дверями. Пациент, отдав поводок полицейскому, пошёл в противоположную сторону. Пришлось сотруднику ДПС догонять его и возвращать обратно. Только через 37 минут после приезда на место вызова я смогла пациента осмотреть. Пока я его осматривала, а моя помощница с его слов записывала данные, полицейский по телефону созвонился с сожительницей этого человека. Стали ждать её. Вскоре появилась подружка, и тут выяснилось, что она боится эту собаку. Сказала, что сейчас позвонит матери пациента и она заберёт собаку. На претензию, почему сразу не сказала, что боится пса, она ответила, что не слышала про собаку. Мы так поняли, что ей хотелось на всё это посмотреть, поэтому она утаила информацию. Тут уже я взбунтовалась. Столько времени убили на одного человека! Сказала полицейским, что он никуда из «приёмника» не денется и дождётся их. Пациент уже спал в машине. Мы его увезли в приёмное отделение. После отмывания засохшей крови с головы я нашла небольшую ранку около 1 см длиной. Даже шить не надо.

Ну вот почему нам нельзя их бить? Очень хотелось. Он своим поведением подверг опасности окружающих и саму собаку. Ведь полицейские на полном серьёзе обсуждали вопрос о возможности отстрела собаки: «Собаку, конечно, очень жаль. Такой хороший пёс! Но если он убежит, то придётся его пристрелить. Опасен очень». Хорошо, что пёс не убежал.

И вот что грозит хозяину собаки? Штраф? Ладно – два штрафа. За пьяный вид в общественном месте и выгул собаки без намордника. И всё!

Бесит! Не делайте так никогда.

Ножевое ранение в грудь.

Это было в начале нулевых годов. В то время у нас в городе дежурило ежедневно по четыре бригады скорой помощи. Прямо как сейчас, хоть город и вырос в разы. В состав трёх бригад входили один медик и водитель. И лишь в первой бригаде было три человека: врач, фельдшер и водитель. Эта бригада считалась бригадой интенсивной терапии – БИТ. Ездил она только на определённые поводы к вызову (ножевые, ДТП, отравления, боль в сердце, вызовы на улицу или в общественное место, на рабочее место) и в помощь другим бригадам. За что бригаде доплачивали «за интенсивность». Другие бригады запрашивали помощь только, когда сами не справлялись. Но никогда на температуру или «кружится голова» БИТов не посылали.

В те сутки было очень много вызовов. Ездили все по рации. И ещё получилось так, что все бригады работали на узиках. Я была помощником в БИТах. Поступил вызов: ножевое ранение в грудную клетку в квартире. Так как БИТ была на вызове, то отправили первую освободившуюся бригаду. Врач, выехавший на этот адрес, вызвал нашу бригаду в помощь. Объяснил, что у пострадавшего «нет вен» и врач не может «вколоться». У наркоманов, «сидящих на системе» (т.е. ежедневно употребляющих наркотики внутривенно), с венами просто беда. Сначала нормальные вены, а в последующем они превращаются в тоненькие ниточки. Их сами наркоманы называют «стеклянными» и обращаются с ними очень бережно. Наркотики вводят инсулиновыми шприцами. А тут скорая со своими иглами от 10-миллиметровых шприцев! В то время мы даже не видели кубитальных катетеров, которыми сейчас все пользуются. И кровезамещающие растворы у нас были в стеклянных банках. Хорошо, что хоть шприцы были уже одноразовыми. И с двухмиллилитровыми шприцами у нас были проблемы – их просто не было. 5 и 10 мл шприцы. Всё.

Приезжаем. Мать пациента проводит нас в комнату. Там посередине двуспальной кровати лежит пострадавший. А в груди его нож торчит. И согласно с биением сердца покачивается. Тук-тук-тук – бьётся сердце. И в унисон ему нож дёргается в ране. Сергей (так зовут врача), наложив жгут, пытается попасть в вену. Система собрана, капельница «заряжена», в шприц обезболивающее набрано. Осталось только в вену вколоться. Дальше картина маслом: три медика одновременно ползают по кровати и пытаются попасть в вену. Врачи оккупировали руки пациента. А мне что делать? Пошла по ногам ползать. В результате в вену попала я. На голени нашла венку и смогла её подцепить. Пока суть да дело, мать пострадавшего рассказывала нам, что случилось с её сыном.

Сын рос хорошим мальчиком. Послушный, учился хорошо и профессионально занимался спортом – сочетание крайне редкое. Закончил школу без троек. Собирался поступать в Институт физической культуры. Но неожиданно мама узнала, что сынок употребляет наркотики. Героин быстро людей съедает. Институт и спорт пошли побоку. Уговоры, скандалы, долгие разговоры, лечение у нарколога, общение с психологом – ничего не помогало. И тогда мать обратилась в одну организацию, которая жёсткими методами боролась с наркоманией. С этой организацией родители и сам пациент заключали договор. После пациента оставляли на попечение этой организации. И по истечении месяца-двух, а иногда и больше, пациент возвращался домой. Дальше нужна была реабилитация уже другого рода. Что происходило за закрытыми дверями организации, мы знаем только со слов пациентов. Например, то, что в период ломки наркоманов пристёгивали наручниками к батарее, чтобы не сбежали. Родителей сразу предупреждали, что, если до назначенного срока пациент явится домой, значит, он сбежал. И надо сразу звонить в эту организацию. В любое время суток. За ним тут же должны были приехать и увезти обратно.

Сын вернулся домой преждевременно, через 2 недели вечером. «Ломка» уже закончилась. Но на этом лечение наркомании не заканчивается. Самая сильная – это психологическая зависимость. Поэтому домой наркоманов так быстро и не отпускали. Мама рассказала, что сын пришёл «весь такой измученный». Сказал:

– Я не могу больше с ними оставаться! Мама, мне же там даже поговорить не с кем. Эти наркоманы такие тупые! И разговоры у них тупые. Я не могу их больше слушать!

И попросил:

– Только не звони сейчас туда, пожалуйста. Я ночь переночую, а завтра и позвонишь им.

Мать пожалела сына. «Если бы я только знала, что он задумал!» – сокрушалась она потом.

Он попросил водки. Со слов мамы, водка у них в холодильнике стояла на случай гостей. Выпил рюмку и ушёл в комнату. Минут через пять мать услышала крик. Прибежала в комнату и увидела сына с ножом в груди. Сын потихоньку нож с кухни прихватил и сам себе его в грудь вогнал.

Когда пациент был обезболен, установлена капельница и наложена повязка, началась транспортировка. Выносить носилки помогали друзья-наркоманы. Один из дружанов всё возмущался:

– Вы чё?! Офигели? Нож-то достаньте! Сволочи!

Пришлось объяснять, что тогда его друг умрёт. Потом ехали со включенными спецсигналами, приговаривая, уговаривая, умоляя, а порой и ругаясь:

– Лежи, пожалуйста. Не разговаривай. Не кашляй. Не вставай! Не поднимайся! Лежать! Кому говорю!

Ну и так далее. И всё время я нож в груди держала, чтобы он не вылез из раны. В приёмном отделении нас уже встречали травматологи и реаниматоры. Дальше было как в кино. Вот честное слово, ни разу до этого момента я не видела такой слаженной работы встречающих врачей. Бережно и быстро пациента переложили на каталку и бегом в операционную. Травматолог только и приговаривал:

– Нож держите. Держите нож.

Нож пробил не только грудную клетку и перикард, он застрял в миокарде – мышце сердца. Прооперировали молодого человека успешно. Был выписан из больницы здоровым. Дальнейшую судьбу его не знаю.

После того, как сдали пациента, вдруг обнаружили, что впопыхах забыли ампулу промедола на адресе. Сергей вернулся обратно, ампулу достал из мусорного ведра. Хорошо, что на помойку мусор не выбросили. За утерю ампулы у врача были бы очень большие неприятности. У нас же главное – ампулку сдать и правильно бумажки написать.

Остеохондроз или инфаркт?

Боль в груди. Разные причины и разные проявления. И хорошо, если симптомы заболевания классические. Но как часто стенокардия маскируется под грудной остеохондроз, а пневмония с плевритом – под межрёберную невралгию. А ещё иногда бывает, что медики идут на поводу у стереотипов. Например, таких: у молодых женщин инфарктов и инсультов не бывает – их защищают гормоны.

Как говорит коллега:

– Женщины, женщины. Как вы коварны! Нет вам никакой веры.

Женские инфаркты и инсульты значительно помолодели. В моей практике был один случай. Было это года три назад. В ту смену я была помощником у фельдшера.

Дают вызов: женщина, 32 года, лечит грудной остеохондроз у терапевта. Но решила вызвать скорую, потому что «терапевт так сказала». Времени было около 17 часов.

Пока я оформляю документы и готовлю кардиограф к работе, доктор пациентку осматривает и расспрашивает. Боль в груди появилась три дня назад. Боль в левой половине грудной клетки постоянная, ноющая, зависит от дыхательных движений. При осмотре – боль при пальпации (надавливании пальцами) грудины и межреберий, при подъеме руки вверх и глубоком вдохе боль усиливается. Классические признаки остеохондроза грудного отдела позвоночника с болевым синдромом. Пациентка обратилась в поликлинику к терапевту. Назначено лечение от остеохондроза и ЭКГ. Сегодня утром пришла на повторный приём, так как готово было заключение ЭКГ. Пациентка рассказала:

– Врачу не понравилась моя кардиограмма. Но она сказала, что, возможно, у меня всегда такая кардиограмма и это всё равно остеохондроз, чтобы я продолжала лечение. Но, если легче не станет, вызывать скорую.

И вот ближе к вечеру боль в груди усилилась. Женщина вызвала нас. Снимаем ЭКГ. А там – признаки инфаркта миокарда по передней стенке, да ещё задета перегородка. Тем, кто в теме, – «кошачьи спинки» в AVL V1-V2-V3. Естественно, выполнив все стандарты, женщину мы госпитализировали.

И появилось желание спросить у терапевта: «Какого чёрта Вы женщину отправили домой, если увидели патологические проявления на ЭКГ? Побоялись показаться некомпетентной?». Поступил терапевт правильно и вызови скорую к этой женщине утром, инфаркт мог бы и не развиваться. Лучше выглядеть перестраховщицей, глупой и неуверенной в себе, чем с полным чувством собственного достоинства пойти на поводу у стереотипов и пропустить инфаркт.

Очень хочется обратиться к своим коллегам с просьбой: будьте внимательны к пациентам. Лучше перестраховаться и пойти по пути гипердиагностики, чем пропустить опасное заболевание и не оказать человеку своевременную помощь.

На что меняться будешь?

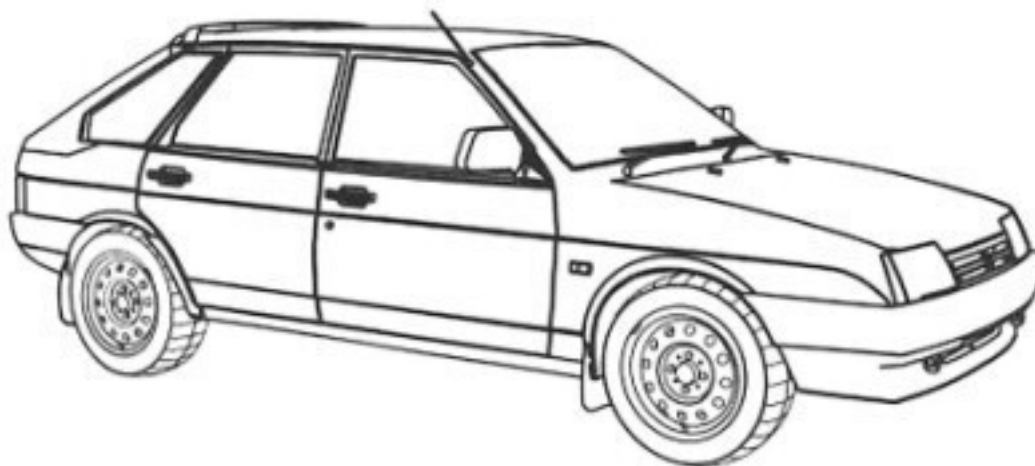
Вчера было много вызовов. А нашей бригаде ещё и несколько «дальнобоев» досталось. «Дальнобой» – это когда место вызова далеко находится или транспортировать пациента надо далеко, например, в областной центр. На самый дальний адрес добирались 40 минут. Много времени в пути – много разговоров и воспоминаний. Вчера много про машины разговаривали. Вот одна история, которую вспомнила врач, у кого я была в эти сутки помощником.

– Это было в самом конце восьмидесятых или в самом начале девяностых. Точнее не скажу. Подзабыла. Отцу на заводе за трудовые достижения и огромный опыт работы выделили машину. В те времена не только квартиры выделяли рабочим людям. Это была лада-«девятка» серого цвета. Модель, популярная у «братков». Буквально через пять дней после получения машины отец возвращался домой. Возле подъезда его ожидали три парня в спортивных костюмах. Подошли и спросили:

– На что меняться будешь? Мы про девятку.

И отец без раздумий согласился на жигули шестой модели. Через два дня совершился обмен новенькой «девятки» на новую «шестёрку», на которой отец потом лет десять ездил. А вот его сосед на такое предложение ответил отказом. Через месяц его машину угнали, а через два года нашли остатки машины в другом городе. Говорят, что в то время списки с адресами тех, кто должен был получать от предприятий машины, дублировался ещё в профсоюзе и уходил к «браткам». Но братки имели уважение к людям, заслужившим эти машины, и сначала предлагали:

– На что меняться будешь?

Сила слова.

*Вот взять хоть нас, например, докторов... Вы думаете, у нас все это так ясно и хорошо, как в книжечке? Да ведь мы дальше хирургии ничего ровнёшенько не знаем наверняка. Мы выдумываем новые лекарства и системы, но совершенно забываем, что из тысячи организмов нет двух, хоть сколько-нибудь похожих составом крови, деятельностью сердца, условиями наследственности и, черт знает, чем еще! Мы удалились от единого верного терапевтического пути – от медицины зверей и знахарок, мы наводнили фармакопею разными кокаинами, атропинами, фенацетинами, но мы упустили из виду, что если простому человеку дать чистой воды да уверить его хорошенько, что это сильное лекарство, то простой человек выздоровеет. А между тем в девяноста случаях из ста **в нашей практике помогает только эта уверенность, внушаемая нашим профессиональным жреческим апломбом.** Поверите ли? © А. Куприн «Молох»*

Конечно, современная медицина далеко шагнула вперед. Но считаю, что по-прежнему справедливы эти слова: «...если простому человеку дать чистой воды да уверить его хорошенько, что это сильное лекарство, то простой человек выздоровеет. А между тем в девяноста случаях из ста в нашей практике помогает только эта уверенность, внушаемая нашим профессиональным жреческим апломбом». Если пациент не слышит в словах доктора уверенности, что лекарство поможет, то эффективность препаратов значительно уменьшается. И наоборот. Расскажу несколько случаев, когда убеждение доктора имело значение. Ну, допустим, что это я считаю, что имело.

1999 год. Первый год моей работы на скорой. Осень. В тот день я работала помощником врача. Около 10 часов вечера поступает вызов: боль в животе у ребёнка 3 лет. Возле подъезда уже слышно, как кричит ребёнок. Я пулей взлетаю вверх на третий этаж (не могу слышать, как дети от боли кричат), а врач неспеша поднимается по лестницам. Доктор еще только в подъезд вошёл, а я уже на третьем этаже возле квартиры стою. Дверь в квартиру открыта. Бегу на крик. Малыш схватился за живот, кричит. Слёзы катятся из глаз. Мама рядом сидит, гладит по голове. У мамы спрашиваю, как зовут мальчика.

– Алёша.

Спрашиваю у мальчика:

– Сказки тебе мама читала? Про волшебниц знаешь? Мальчик замолкает и кивает головой.

– Я – такая волшебница. Сейчас заколдую твой животик, и он перестанет болеть.

Сама отвожу руки ребёнка от его живота. Начинаю, как бабушка учила, гладить животик по часовой стрелке и приговаривать:

– У киски боли, у собачки боли, а у Лёши всё пройди, заживи.

«Боль» в кулак «собираю» и на пол стряхиваю. И так три раза. Тут заходит врач. Я отхожу от ребёнка в сторону. Ребёнок уже не плачет. Мама рассказывает врачу, что мальчик плакал почти полчаса, если не больше, и держался за живот. «А сейчас вроде уже всё». И действительно: пацан уже не кричит, слёзы высохли. Доктор «смотрит» живот. Помял живот всяко-разно. Ребёнок спокоен. На вопрос – болит ли ещё животик? – отрицательно машет головой. Предложили проехать в больницу, но мама отказалась: «Раз живот не болит, зачем ехать? Заболит снова – тогда и приедем».

Через несколько лет я повторила то же самое, но уже со взрослой женщиной. Сейчас и сама не знаю, зачем клоунату такую устроила. Вот было такое шутовское настроение.

Женщина 25 лет. Живот болит с утра. Вызвала скорую около девяти вечера. Я работала в те сутки одна, без помощника. Женщина лежит в постели, свернувшись калачиком. Говорит, что с утра живот болит, температуры, поноса и остального нет. Только боль. Выпила две таблетки но-шпы. Боль только усилилась. Хотела сходить в больницу сама, да решила скорую вызвать: «Может, поможете чем?».

Я говорю:

– Так. Сейчас посмотрим.

И начинаю живот по часовой стрелке наглаживать и приговаривать: «У киски боли, у собачки боли». Смотрю в лицо женщине:

– Как Вас зовут?

Та недоуменно отвечает:

– Катя.

Я продолжаю:

– У Кати всё пройди! Заживи!

И так 3 раза. Потом

спрашиваю:

– Ну как? По-прежнему болит?

А про себя думаю, что скажет: «Болит». А я ей: «Ну, значит, я не экстрасенс. Раз не смогла помочь, поехали в больницу специально обученным людям ваш живот показывать».

Но вместо этого слышу:

– Ой! А всё прошло! Вы экстрасенс?

И с таким наивным восторгом смотрит на меня, что жаль было разочаровывать. Я ей ответила, что это "пук в животе заблудился", а я помогла ему выход найти. Посмеялись. В больницу она не поехала, но клялась, что, если что, вызовет скорую сразу и поедет с нами в больницу. Повторного вызова не было.

Ой-ой-ой! Знаю-знаю, что непрофессионально и некрасиво. И шарлатанством попахивает. Но вот так получилось. Честно слово, случайно. Конечно, найдутся знающие люди, которые скажут, что это была кишечная колика, а массаж и тепло рук успокоили раздражённый кишечник. И внушение, и «жреческий апломб» здесь ни при чём. Не буду спорить. Может быть. Но вот вам ещё один случай. Уже с животом не связанный.

История начала нулевых. В ту смену я была помощником врача. Врач Сергей Владимирович попросил диспетчера записать вызов к своему знакомому. Повод к вызову: «плохо». По дороге он объяснил, что его попросили «откапать» после запоя одного знакомого. Так-то скорая этим не занимается, но Сергей Владимирович хотел установить капельницу с препаратами, которые уже купили родственники этого мужчины, и уехать. А когда препарат закончится, родственники бы иглу из вены сами достали. Когда мы прибыли на адрес, выяснилось, что мужчина уже опохмелился. Врач развёл руками:

– Что теперь делать? Капать-то уже нельзя. Смысла нет, раз пациент пьян. Но что-нибудь придумаем.

Измерил артериальное давление пациенту. Послушал сердцебиение. А потом мне на ушко говорит:

– Магнезию по вене болюсом двадцать кубов. И молча вводи. Ничего не говори. Говорить буду я.

Я спросила:

– А давление не скинет?

– Нет. У него 250 лупит.

Набираю магния сульфат. Ввожу достаточно быстро, но не болюсом (болюс, медицинский термин, – относительно большой объём жидкости или дозы лекарственного средства, вводимый внутривенно, быстро, вызывает быстрый ответ). Некоторые знают, как ощущается внутривенное введение магнезии. Тем, кто не в курсе, поясню: становится жарко. Чем быстрее вводится, тем ощущение жара будет сильнее. При быстром введении появляется тошнота, может начаться рвота. Итак. Я ввожу магнезию. Мужичу нехорошо становится: красный, как варёный рак, вспотел весь, дыхание учащено. А рядом доктор стоит и говорит:

– Что? Плохо тебе? Так и должно быть. Это я тебя от пьянства кодирую. Специальный укол делаю. Теперь каждый раз, как выпьешь хоть один глоток, тебе так же плохо будет.

В конце инъекции мужика затошнило. Ему тазик принесли под рвотные массы. Перемерив артериальное давление, велел пить минералку и от кровати не отходить ни на шаг («Захочет помочиться – принесите ему ведро»), мы уехали. Официальный диагноз звучал как гипертонический криз.

Примерно через год я вспомнила эту историю и спросила у Сергея Владимировича о судьбе того мужика. Доктор, рассмеявшись, сказал, что мужик этот бросил пить. После «кодировки», какую мы совместно провели, на алкоголь даже не смотрит.

У нас на скорой иногда шутят, что в основном мы лечим добрым словом, наложением рук и крестом животворящим – тем, что на машинах и укладках медицинских нарисован. И доля истины в этой шутке есть.

Сердечная рана.

Студенческие годы. В нашей группе учился один парень – Алексей. Был он «домашним», то есть жил дома, а не в общежитии. Ухаживал за одной девочкой, которая училась на курс младше нас и жила в общежитии. Лёша приходил к ней в гости, если её не было дома, шёл в комнату к одногруппникам и ждал там её прихода. От ребят-то я и узнала эту историю. Случилось так, что Алексей поссорился со своей девушкой. Она его выставила из комнаты, заявив, что между ними всё кончено. Лёша пошёл к одногруппникам в комнату и встретил их на пороге: ребята пошли в магазин за продуктами. Лёху в комнату пустили, сказали:

– Жди! Мы сейчас!

И убежали. Вернулись быстро, минут через 15-20, и застали картину маслом – «Алексий убиенный». Алексей лежал на одной из кроватей и плакал, рядом лежал нож, а в груди у него была колото-резаная рана. Лёша решил убить себя. Но почему-то попытался самоубиться у своих друзей.

И началось. Один побежал на первый этаж к вахтёру, чтобы оттуда вызвать скорую помощь (эра мобильных ещё не наступила). Другой наложил на рану повязку и дал две таблетки анальгина: больше ничего обезболивающего у них не было. Третий метнулся к холодильнику, чтобы холод на рану приложить для уменьшения кровотечения. Из холодного был только кусок замороженного мяса. Его, обернув полотенцем, и положили на грудь.

Скорая приехала быстро. Медики похвалили ребят за расторопность. Оказали уже полный объём помощи, доступный на догоспитальном этапе, велели ожидать милицию и увезли Алексея. За мясо, правда, поспорили немного. Медики, улыбаясь, спросили:

– Мы забираем холод с собой? Ребята возмутились:

– А мы что есть будем?! Лёха перебьётся!

Потом были и милиция с выяснением обстоятельств, и походы всеми задействованными лицами к следователю, поездки в больницу к Алексею и страшные клятвы: «Что бы мы Лёху ещё раз одного в комнате оставили? Да никогда!». Ребята были злы на Лёшу: много хлопот он им доставил. Да и испугались за него очень. Девушка его была расстроена, но её никто не винил за произошедшее. Алексей выжил. Нож пробил перикард, хорошо, что миокард не задел. Лёша помирился со своей девушкой, но ненадолго. Вскоре после выписки Алексея из больницы наступили каникулы. И после возвращения на учёбу Лёша с девушкой больше не общались.

Вот такая сердечная рана (во всех смыслах) случилась у студента медицинского колледжа.

Остеохондроз или пневмония?

Есть истории, о которых рассказывают только пациенты и их родственники, но не медики. Потому что стыдно. Стыдно за нашу медицину в общем и за коллег, в частности. Я – медик, и мне стыдно. Но я расскажу.

Было это в начале нулевых годов. Работали по одному медработнику на бригаду. Утро пятницы. К мужчине 72 лет вызвали скорую. Повод – боль в спине. Приехал «опытный фельдшер», с высшей категорией и стажем работы лет 20, не меньше. Осмотрел пациента. Пациент жалуется на то, что спина болит: «Ни согнуться, ни разогнуться», и показывает на заднюю поверхность грудной клетки слева, ближе к пояснице. При пальпации боль усиливается. Фельдшер говорит, что это остеохондроз: «Пейте обезболивающее и обращайтесь к неврологу». Уезжает. Вечером родственники повторно вызывают скорую помощь. Боль усилилась, и родственники хотят, чтобы поставили обезболивающий укол. Приезжает молоденький фельдшер с опытом работы 6 месяцев. Он уже знает диагноз предыдущего, более опытного, фельдшера. Не стал заморачиваться, ощупал спину и дал тот же совет: выпить обезболивающее. Объясняет, что уколы на остеохондроз скорая не ставит. Действительно, обезболивать остеохондроз в то время было запрещено. Фельдшер предлагает пациенту проехать в приёмное отделение больницы, потому что на всех повторных вызовах (повторным вызов считается, если второй раз вызвали скорую в течение 24 часов с момента первого вызова) должна быть предложена госпитализация. Но предупреждает, что с такими «остеохондрозами» в больницу не кладут. Пациент отказывается. Тогда фельдшер берёт отказ от госпитализации и уезжает, но обещает на завтра вызвать терапевта на дом. На следующее утро была суббота. Больной мужчина уже не встаёт с постели. Пришла терапевт из поликлиники, осмотрела пациента и спросила:

– А зачем меня вызвали? Он же умирает. Сегодня и умрёт.

И ушла. Родственники в панике. Снова вызывают скорую, но уже на «умирает». Посылают врачебную бригаду в составе врача и фельдшера. Смотрят пациента. Пациент бледный, пальцы и носогубный треугольник синюшные. Давление низкое, одышка. Жалуется на сильную слабость, чувство нехватки воздуха и боль в спине. И хоть на ЭКГ без патологии, всё равно решили везти как ОКС (острый коронарный синдром). Согласно МЭСам, выполнили все манипуляции. Привезли в больницу. С тем же диагнозом пациент был госпитализирован в реанимацию, где в течение часа он и скончался. На вскрытии была обнаружена пневмония с плевритом.

Потом был «разбор полётов», где выяснились некоторые вещи:

Не был собран в полном объёме анамнез (история заболевания). Оказывается, что температура и кашель у пациента были в течение четырёх дней, но за медпомощью он никуда не обращался. Появление боли с предыдущим заболеванием «простудой» родственники никак не связали, а медики не спросили.

Лёгкие у пациента никто не выслушивал – так заявили родственники. Вполне возможно, что это правда. Меня там не было – утверждать не могу. Но, судя по результатам вскрытия, половина лёгкого не дышала, значит, ухом можно было услышать.

В приёмном отделении не был сделан рентгеновский снимок лёгких. В тот день не было рентгенлаборанта – заболела, а другого человека на дежурство в субботу не нашли.

В то время у нас ещё проводились собрания с разбором «косяков» коллег, чтобы другие их не повторяли. Тогда-то я и узнала про эту «триаду». Как-то так получилось, что в колледже об этом нам на занятиях по терапии не рассказали (нам много чего на «терапии» не рассказали, но это уже другая история).

Не всем этот урок пошёл на пользу. Но я очень хорошо уяснила, что надо больных смотреть полностью, выпрашивать всё, не идти на поводу у чужого мнения. И запомнила про «триаду».

По прошествии нескольких лет я приехала на вызов в рабочее общежитие к молодому мужчине. Зима. Вечер. Повод к вызову – высокая температура. На адресе узнала, что мужчина находится здесь в длительной командировке, работает на стройке монтаж-ником-высотником. Сегодня днём появился кашель, вечером поднялась температура. А тут ещё бок слева заболел. Вызвали скорую. Осматриваю. В легких дыхание нормальное. Но про «триаду» я помню. Говорю:

– Собирайтесь в больницу. Будем там исключать пневмонию.

Привезла. Отвела в смотровой кабинет и пошла терапевту больного передавать. В тот вечер дежурным терапевтом была пожилая женщина. Она уже несколько лет была на пенсии, но дежурства суточные брала. Рассказываю ей про пациента. А она говорит:

– В общем, всё ясно. Командировочный, значит, алкаш. И пьёт каждый вечер. А бок болит – так это печень от пьянства. При чём здесь пневмония? За один день пневмония не разовьётся.

Я немного в шоке. Не видя человека, такие диагнозы ставит. Видать, совсем устала. Говорю:

– На алкоголика не похож. Болит не живот и не в правом подреберье, а слева, в грудной клетке. И ослабление дыхания есть. И – до свидания. Я СВОЙ диагноз озвучила.

Про дыхание вру нарочно, чтобы послушала хоть лёгкие. Уезжаю несколько обеспокоенная судьбой мужчины. Я, конечно, знаю, что с моим диагнозом в приёмнике просто обязаны сделать рентген лёгких и взять общий анализ крови, но всё же. Через пару часов звоню в приёмное отделение, чтобы узнать судьбу больного. Пневмония подтвердилась, но пациент отказался от госпитализации. Сказал, что домой его сегодня отвезут и лечиться он будет в своей, «нормальной», больнице. До дома ехать 4 часа. Думаю, что дежурный терапевт озвучила ему то же самое, что и мне. А мужчина решил, что с таким отношением к нему лучше уж домой уехать.

И очень хорошо, что этот врач сейчас не берёт смены. Я считаю, что если устал от медицины, то надо уходить на покой или искать себе другую работу.

Как сотрудник ГИБДД девочку обидел.

Как я уже говорила, долгие разъезды – долгие разговоры. Долгие разговоры – много разных историй. И вот вам ещё одна маленькая история.

Вчера моя коллега Анна рассказала один забавный случай. У неё есть дочь пятнадцати лет. Как-то повезла Аня на своей машине дочь на тренировку. Девочка сидела на заднем сидении. ПДД Аня знает хорошо, поэтому дочь была пристёгнута ремнями безопасности. Задние стёкла машины затемнены. Видимость салона с улицы немного затруднена.

По дороге к месту тренировки останавливает машину сотрудник ГИБДД для проверки документов. Проверив все документы, спрашивает:

– Дети в машине есть?

Наверное, машины проверяли на наличие детских сидений. Аня отвечает:

– Есть. На заднем сидении сидит.

Гаишник заглядывает в салон и говорит:

– Вы хотите сказать, что это ребёнок?

И тут девочка возмущенно кричит со своего места:

– МАМА! Он меня старой назвал!!!

Аня заулыбалась. Гаишник смущённо пробормотал:

– Извините. Можете ехать.

И семья продолжила путь.

Анестезиолог, ножевое ранение и неисправный лифт.

Эта история произошла более десяти лет тому назад. Работал в нашей больнице врач-анестезиолог. Большинство полостных операций проводилось с его участием. Но однажды он сам попал к своим коллегам на операционный стол.

Жил этот врач в соседнем городе. А надо вам сказать, что у нас одна больница на два города. И хирургическое отделение находится в нашем городе. Возвращался вечером с работы врач к себе домой. Путь его лежал через гаражи. И вот там-то его неизвестные ограбили и ударили ножом в живот. Сколько времени он пролежал в гаражах – неизвестно. Скорую помощь вызвал случайный прохожий в десятом часу вечера. Эра мобильных телефонов ещё не наступила, поэтому прохожему пришлось сначала бежать до ближайшего телефона-автомата, а потом бежать обратно, чтобы встретить скорую. Скорая прибыла мигом. Оказав помощь, довезла до приёмного отделения больницы.

В «приёмнике» пострадавшего уже встречали хирург и реаниматор. Каково же было их удивление, когда они в пострадавшем, находившемся без сознания, узнали своего коллегу. Без промедления покатали они каталку по длинному переходу, что соединяет приёмное отделение с хирургическим корпусом. В хирургическом корпусе на первом этаже находится травматология, а хирургические операционные расположены на втором этаже. Лифт древний, без лифтёрши не поедет. Закатывают в лифт каталку медсестра и хирург, следом заходит лифтёрша. И всё – места больше нет. Реаниматор поднимается по лесенкам на второй этаж, чтобы время не тянуть. На втором этаже уже вовсю готовят операционную. Реаниматор идёт туда готовиться к операции. Все наготове, а каталки-то с пострадавшим нет. Оказывается, лифт застрял между этажами. И надо такому случиться, чтобы именно в этот момент пострадавший умер. Клиническая смерть. Лифтёрша стучала и кричала, что лифт застрял, а врач и медсестра пытались реанимировать своего коллегу. Надо и дышать за пациента, и непрямой массаж сердца делать. А с собой нет ни воздуховодов, ни адреналина. И всё это проводилось в лифте. Я даже не представляю, как они в такой тесноте это могли делать. Двери лифта выходят в помещение, которое расположено между отделениями гнойной и чистой хирургии. В этом помещении нет палат с больными, поэтому сразу никто и не услышал стука и криков.

Медиков хватились минут через 5-10. Точнее не скажу, но знаю, что не сразу. Прибежали к лифту. А двери открыть не могут. Раньше уже бывало, что лифт ломался. Но это происходило днём и не с такими пациентами. Тут же больничного слесаря находили, и он полонку исправлял. Но время-то уже десять вечера. Слесарь ушёл домой давным-давно.

Давай вызванивать слесаря. Нашли у соседей – жена сбегала. Потом слесаря на скорой привезли в больницу. Поковырявшись какое-то время, слесарь лифт починил. Всё это время хирург и медсестра пытаются реанимировать своего коллегу: дышат и качают, дышат и качают. 40 минут реанимации. Но реакция зрачков на свет ещё есть. Когда открыли двери лифта, сердце пациента оживило, а самостоятельного дыхания ещё не было. Тут же в рот воздуховод с амбушкой (мешок Амбу – ручной аппарат для искусственной вентиляции лёгких, применяемый к пациентам с нарушением дыхания) – и бегом в операционную. Там уже к аппаратуре пациента подключили. Прооперировали успешно. Ну, как успешно? Врач-анестезиолог выжил. Но... Из-за длительного кислородного голодания кора головного мозга погибла почти полностью. Он не мог ходить, самостоятельно не мог сидеть, ни с кем не разговаривал. Жена его кормила с ложечки. Впоследствии был выписан домой. Те медики, кто приезжал к нему на вызов домой, рассказывали, что в глазах его не было даже тени мысли. На все обращения к нему он никак не реагировал. Через два года врач умер от застойной пневмонии.

Вот так неисправный лифт повлиял на жизнь человека.

«Ты просто устала»

Эта печальная история произошла в начале нулевых годов. Работала в нашей больнице одна женщина. Звали её Натальей. Была она врачом-урологом. Вела приём в поликлинике, вела несколько палат урологических больных в хирургическом отделении и брала дежурства ночные или суточные в приёмном отделении больницы в качестве терапевта. А так как была Наталья безотказной и всем шла навстречу, то она постоянно работала. Иногда в месяц часов отработывала на две ставки. Ну должен же кто-то «график закрывать». А ещё у неё был дом, дочь-студентка и сад. И обо всех ей надо было заботиться, кроме как о себе самой.

Однажды Наталья почувствовала ухудшение самочувствия: появились слабость, одышка, подкашливание. Обратилась она к терапевту в соседний кабинет за советом, не как пациентка, а как коллега. Коллега ей и сказала, что работать надо поменьше и похудеть немного не помешало бы. Тогда, мол, легче будет. «Но если хочешь, то дам больничный». Она не хотела на больничный: неудобно как-то, да и подводить коллектив не хотелось бы. На следующий день слабость усилилась. И обратилась тогда женщина к начмеду. Когда-то они вместе учились, а теперь он стал начальником. Но ранее он длительное время работал на скорой. Начмед осмотрел Наталью, измерил давление:

– Низковато. Но ты же у нас всегда гипотоником была?

Наталья согласилась. Послушал лёгкие – всё нормально. Горло красновато немного и температура 37,1.

– Ты просто устала. Да и заболеть начинаешь. Иди-ка на больничный.

Позвонил одному из терапевтов в кабинет и отправил туда Наталью. Наталье выписали лист нетрудоспособности и отправили домой чуть ли не силком. Через день дочь вызвала скорую помощь. У мамы резко упало давление, усилилась одышка, при кашле стала появляться боль в груди. Увезли Наталью в приёмное отделение с диагнозом «пневмония». В то время при пневмонии на догоспитальном этапе ЭКГ не делали ещё. В приёмнике сделали рентген грудной клетки и ЭКГ. И тогда предположили, что это, возможно, тромбоэмболия лёгочной артерии. Госпитализировали в реанимацию. В ту же ночь Наталья умерла. Вскрытие подтвердило диагноз: «тромбоэмболия лёгочной артерии». Хоронило Наталью большое количество людей – коллег и благодарных пациентов. Очень уж хорошим и безотказным человеком Наталья была.

Массажное кресло и варикоз.

А эта история произошла в этом году. Женщина, давно уже немолодая, страдала от варикозного расширения вен. Несколько раз лечила тромбофлебит глубоких вен нижних конечностей. Но за собой она следить не забывала – регулярно посещала один салон красоты. Однажды она записалась на приём к косметологу, но пришла на процедуры слишком рано. В приёмной салона стояло массажное кресло. Ожидая, пока освободится мастер, женщина решила воспользоваться этим креслом. Во время массажа женщине стало плохо: она начала задыхаться, посинела, схватилась за грудь и потеряла сознание. Вызвали скорую помощь. С диагнозом ТЭЛА пациентка была доставлена в ближайшую больницу, где и скончалась, не приходя в сознание, через несколько часов. Ничего не смогли сделать. Массивная ТЭЛА была спровоцирована массажем ног. Кресло сдавливает и опускает ноги. В результате этого тромбы от стенок больных сосудов оторвались и, следуя току крови, попали в лёгочную артерию, закупорив её.

Нос (Гоголь здесь ни при чём).

Не так давно мне задали вопрос: надо ли шить раны, расположенные на лице? Я ответила, что всё зависит от того, какая это рана. И пообещала рассказать одну историю. Вот выполняю обещание.

Катя. С ней мы учились в одной школе, но в разных классах. Увиделись случайно, когда нам было примерно по 25-26 лет. Поперек её носа хорошо был виден шрам со следами от ниток, с такими маленькими отметинами вдоль шрама. Со временем шрам стал менее заметен, но тогда он грубо выделялся на молодом девичьем лице. Естественно, я спросила, откуда такая «красота»?

Она рассказала, что в прошлом году ездила с друзьями на дачу в баньку и на шашлыки. Как водится, был не только шашлык, но и водочка. Наклюкавшись, Катя пошла по участку гулять, ягодки кушать. Поев малины, возвращалась девушка обратно и увидела, что на крыльце бани сидит подружка со своим парнем.

– Сидят оба голые. Я на них загляделась и упала. Ударилась лицом обо что-то. Расстроилась и пошла спать в домик.

Проснулась через пару часов от боли в области носа. Посмотрела в зеркало и «обалдела». Поперёк носа была большая рана, кончик носа провисал вниз. Хорошо, что хозяин машины, на которой компания приехала, был трезв. Отвёз он Катю в больницу. Там и наложили швы. Сказали:

– Накопишь деньги – пластику сделаешь.

Денег на пластического хирурга Катя так и не накопила. Шрам остался на всю оставшуюся жизнь. Пока слушала Катю, вспомнила историю о травме носа у другого моего знакомого. Кате я её рассказывать не стала, но вам о ней поведаю.

Лёха. Постоянно по пьянке находит приключения на свою задницу. Однажды, будучи пьяным, упал на улице лицом вниз. И прямо на какую-то железяку. Поднялся. Кровь из носа течёт, а кончик носа висит на кожном лоскуте. Прижав указательным пальцем кончик носа, пошёл в приёмный покой. Лёха – товарищ любопытный и общительный. В приёмном покое медсестра сказала:

– Доктор сейчас в перевязочной. Освободится – придёт. Жди.

На вопрос: «А что он будет мне делать?» – медсестра пошутила:

– Обрежет он тебе его и на помойку выбросит. Зачем тебе нос? Ты и так красивый.

Обиделся Лёха на медсестру, да и за нос свой испугался. А вдруг, действительно, обрежут? И ушёл домой. Дома мама Лёхе обмыла перекисью водорода нос и приклеила кончик носа к основанию лейкопластырем. Неделю Лёха из дома не выходил и пластырь не снимал. А когда пластырь снял, оказалось, что нос прирос. Потом ещё пару недель Лёха нос свой берёт: боялся, что отвалится. Но вскоре всё забылось. Через год на месте травмы виднелась только тоненькая белая полоска шрама.

Вот и думай теперь: «Шить или не шить?» – вот в чём вопрос.

Два товарища.

Жили-были два товарища. Оба уже побывали «в местах не столь отдалённых». Возможно, что не один раз. «Отдыхали» они с друзьями. Естественно, что, кроме закуски, было много водки и разговоров. Во время застолья возник между товарищами спор, который перерос в ссору. А где ссора – там и драка. Схватились за ножи. Суть спора не знаю. Знаю, что кто-то не «по понятиям» поступил. Товарищи на ножичках бьются. А кто-то из окружающих в полицию да на скорую звонит. Подойти ближе опасаются. Когда диспетчер приняла вызов, она позвонила и в дежурную часть. По телефону сообщили, что полиция в курсе событий и патрульная машина выехала. Правда, не уточнили откуда она выехала и куда.

Ножевое ранение – повод, не терпящий отлагательств. Естественно, что бригада скорой тут же выехала на адрес. Благо дело, была одна свободная бригада. На месте происшествия полицейских не было. Но там же «ножевое». Ждать нельзя. Поднялись в квартиру. В комнате бардак: переломанная мебель, перевернутый стол, еда на полу, битая посуда повсюду. Бойцы уже малость успокоились. Стояли в разных концах комнаты и вяло переругивались. Порезы были преимущественно на руках, немного на грудной клетке у одного из товарищей. Ни одного проникающего ранения. Пока фельдшеры осматривали «бойцов» и оказывали им помощь, связались с диспетчером. Полиции нет, пострадавших надо везти в приёмное отделение. Так-то оба ходячие, но они только что друг друга ножиками тыкали. Что делать? Свободных бригад нет, а ждать нельзя. Диспетчер предложила:

– Может, придумаете что-нибудь, а?

Бригада на свой страх и риск решила везти товарищей совместно. Предварительно взяли с мужиков обещание, что в машине они не будут драку устраивать. «Бойцы» пообещали: «Зуб даю!». Поехали.

Привезли в приёмное отделение. В приёмном отделении находились ещё два пациента – ожидали терапевта. «Терапевт занят, но скоро будет». Травматолог на операции: полчаса назад привезли с ДТП пострадавшего со сложным переломом. «Пусть ожидают». Скоровики объясняют ситуацию. Ещё раз звонят в полицию и сообщают, что пострадавшие доставлены в больницу. Дежурный обещает, что вот-вот подъедет полицейский наряд. Скорая уезжает.

Не прошло и пяти минут, как драка между двумя товарищами вспыхнула снова. Оказалось, что мужики прихватили ножики с собой. Началась поножовщина. Два других больных пулей вылетели из приёмного отделения. Кстати, они потом так и не вернулись. Видимо, решили сходить на следующий день к терапевту сами. Медсёстры закрылись в своей комнате. Охранник ЧОПа, который дежурил в больнице, куда-то убежал. Его потом с трудом отыскали в каком-то отдалённом кабинете. Медсёстры нажимали на «тревожную кнопку», звонили в полицию и ЧОП, ругались с полицией. Дежурный отвечал, что наряд на вызове, в ЧОП говорили, что люди на «сработке».

Когда приехала полиция, всё было закончено. «Бойцы» уже лежали на полу. Они были живы, но не могли стоять. У обоих проникающие ранения грудной клетки и живота. Подтянулись травматологи и хирурги. Развезли товарищей по разным операционным. Медсёстры и санитарка приёмного покоя отправились отмывать помещение приёмного отделения от крови. Кровь была повсюду. Даже на потолке.

Я работала в эту смену, но к событиям этим не имела отношения. Всё записано со слов медперсонала нашей больницы.

Ещё один «солнечный зайчик».

Нужно, чтобы каждый день, будь он даже серым и пасмурным, случалось что-нибудь прекрасное. Вечером я часто спрашиваю себя: что прекрасного было у тебя сегодня? И должен заметить: каким бы тягостным ни был день, всё же маленький солнечный зайчик всегда показывается.

© Эрих Мария Ремарк «Приют Грез»

Прочитав эти слова когда-то давно, я удивилась: почему я-то так не делаю? Многие люди, ложась спать, мысленно прогоняют через себя события дня, чаще всего концентрируясь на проблемах. А потом уснуть не могут: все думают, как можно было поступить по-другому или что надо было сказать, как правильно ответить. Но намного лучше – перебирать события дня минувшего в поисках прекрасного, этих «солнечных зайчиков» нашей жизни, чем сосредотачиваться на плохом.

Я приняла к сведению новую информацию и стала всю ею пользоваться. Сначала я перед сном перебирала дневных «солнечных зайчиков», а потом стала их специально выискивать среди белого дня, чтобы потом, вечером или перед сном, перебирать свои «сокровища». И жизнь моя стала намного светлее и радостнее. Ведь утром я встаю и знаю, что, что бы ни случилось, как бы ни прошел день, а солнечных зайчиков в нём будет много.

Конечно, иногда трудно бывает их найти, когда на улице дождь уже который день, и то тут, то там слышишь: «Надо было рис сеять, а не картофель садить»; когда ты работаешь одна в бригаде, но выполняешь работу за двоих (хорошо, что после 16 часов врач в бригаду придёт); когда с самого утра вызовы из серии «необоснованных»: вызывают с консультативной целью, где на вопрос: «Почему не вызвали участкового терапевта (педиатра)?» – отвечают: «Так вызвали тоже, но решили и вас вызвать, а то когда ещё терапевт (педиатр) придёт?»; когда первый «обоснованный» вызов, т.е. вызов, где без скорой помощи не обойтись, поступил в шестом часу вечера, а до этого ты – консультант и бесплатный таксист; когда по несколько часов едешь на «посмотреть», не заезжая на базу, и по приезде бегом бежишь до туалета (и нет – я не буду на адреса ходить в туалет); когда приезжаешь «в помощь» коллеге, которая старше тебя лет на десять, видишь грубейшую ошибку в терапии (не буду говорить какую, а то у знающих людей мозг взорвётся), и так хочется высказать, что ты думаешь по этому поводу, но молчишь, потому что нельзя при посторонних; когда видишь пожилых людей в запущенном состоянии здоровья, знаешь, что эти состояния достигаются отсутствием лечения в несколько недель, если не месяцев, и слышишь: «Это только третий день так», понимаешь, что только третий день, как заметили, но ещё три дня чего-то ждали. И так далее... Очень бывает трудно найти хорошее, но я стараюсь.

Сегодня утром на последнем вызове одного такого «солнечного зайчика» увидела. В седьмом часу утра поступил вызов: по улице ходит полураздетая бабушка. Адреса точного нет, но называют, между какими домами она находится: возле Сбербанка. Подъезжаем. Бабушки нет, но к машине подходит молодой мужчина, одетый в форму охранника. Говорит:

– Я её занёс в банк.

На наш вопрос: «В смысле?» – отвечает: «Пойдёмте. Там всё поймёте».

В этом филиале сбербанка есть помещение, в котором расположены банкоматы. Оно открыто круглосуточно. Вот в этом помещении и находилась пациентка. Пожилая женщина 79 лет. Одета в свитер, трусики, носки и один тапочек. На плечи накинута куртка, которую ей дала женщина, выгуливавшая неподалёку собаку. Ноги и попа у бабушки грязные, видимо, на земле сидела. Пациентка называет свои данные, но в пространстве и времени совершенно не

ориентируется. Типичная «потеряшка». К сожалению, такое с пожилыми людьми случается, когда они уходят из дома и теряются. Некоторые не помнят даже своих имён. Наверное, многие видели объявления, в которых разыскиваются пожилые люди.

Надо увозить. Врач говорит:

– Как же мы её сейчас поведём? Она босиком почти, а кругом лужи.

Охранник отвечает:

– Как принёс, так и отнесу.

Берёт бабушку на руки и несёт. Я бегу впереди – двери открываю. Донёс он её до машины и поставил внутрь. Говорит:

– Она вся грязная. Не испачкает вам машину?

Отвечаю, что ничего страшного. Машину и помыть можно. Пациентка была доставлена в приёмное отделение больницы и сдана с рук на руки терапевту. Сообщено в полицию. Едем домой, обсуждаем ситуацию. Я восхищаюсь охранником. Врач говорит, что ничего такого: бабушка-то лёгкая, а парень крепкий, мол, не так уж и тяжело ему было. Я же возражаю: мало кто стал бы так носиться с чужой бабушкой. Со своими-то не возятся, а он к посторонней женщине не только скорую вызвал, завёл в помещение, чтобы она не мёрзла. Он её, грязную, на руках то в отделение, то в машину носил. Никто его не просил об этом. Из жалости и сочувствия к пожилому человеку. Просто мужчина хорошим человеком оказался.

Теперь этот охранник попал в список моих «солнечных зайчиков». Сейчас пишу и улыбаюсь.

«Сердце ещё не выросло».

Середина нулевых. Работали по одному медику на бригаду, кроме первой бригады, где врачу ещё и помощник-фельдшер полагался. Лето. Тепло, хорошо. Много людей гуляет на улице, пиво попивают. Значит, пьяных будем подбирать и на битых выезжать. Я в ту смену была одна. День. Дают мне вызов: на улице плохо мужчине. Мужчине 28 лет. На вопрос: «А что ему плохо-то?» – отвечают, что вызывали прохожие и сказали, что плохо с сердцем.

– Да врут, наверное. Молодой. У него и сердце ещё не выросло, чтобы плохо с ним было. Скорее всего, пьяный.

Приезжаю. На скамейке возле подъезда сидит молодой мужчина. Чистый, аккуратный. Не алкаш – сразу видно. Только бледный. Перед ним на асфальте стоит открытая бутылка пива. Первое, что он мне говорит:

– Вы не подумайте, я не пьяный.

Я предлагаю пройти в машину. До машины два шага. Проходит пациент в машину, садится на скамейку (я на УАЗе работала, и там не сидения, а скамеечки). Следом в салон сажусь я. Вижу, что пациент стал ещё бледнее и покрылся потом. Измеряю давление: 60/40. Сразу носилки расправляю. Они в УАЗике брезентовые. Укладываю пациента. Делаю ЭКГ. На ЭКГ – признаки инфаркта миокарда. Согласно МЭСам того времени, обезболиваю пациента промедолом и анальгином и выполняю другие манипуляции. Пока оказываю помощь, мужчина рассказывает, что шёл он по улице, купил бутылочку пива, только сделал глоток, как почувствовал сильную боль в груди, «как ножом ударили».

После применения обезболивающего боль у пациента прошла. Артериальное давление поднялось до 120/80. И это очень хорошо. Говорю пациенту, что сейчас поедem в больницу, потому что есть изменения на плёнке. Чтобы не развился инфаркт, надо ехать. Я в крайне редких случаях пациентам говорю, что у них инфаркт, чтобы не пугать их ещё больше. Мужчина начинает возражать:

– Мне надо собраться, помыться, переодеться. Смотрите: у меня брюки замарались. Я же прям на колени упал, когда сердце заболело.

Я его уговариваю, но он не соглашается. И водитель к уговорам уже подключился, и я правду пациенту сказала, и даже разъяснила, что он может умереть, если срочно не начать лечение. Пациент ни в какую! Боль-то прошла – уже не боится. Ну я и говорю:

– Тогда садитесь и пишите отказ от госпитализации и о том, что о возможных последствиях Вы предупреждены.

Мужчина садится, бледнеет, становится снова мокрым и ложится обратно.

– Ладно. Поехали в больницу.

Вот тебе и «сердце ещё не выросло».

Что-то давление сегодня скачет.

Не всякая боль в груди вызвана проблемами с сердцем, также не всегда инфаркт миокарда сопровождается болью в грудной клетке. Могут быть и другие формы стенокардии. И даже безболевые.

Эта история произошла лет пять назад. Мы работали вдвоём. Два фельдшера. Я «первым номером». Вызовов было много. На скорую практически не заезжали. Около полуночи дают по рации вызов: женщина, 75 лет, высокое давление. Встречает нас пожилая женщина. Смущаясь, начинает объяснять:

– Давление поднимается до 180 на 120, и пульс становится 110-118 в минуту. В эти моменты сердцебиение начинается, а потом всё проходит. Вот скорую когда вызывала, было давление высокое, а сейчас всё нормально. Наверное, зря вас вызвала?

На момент осмотра жалоб у пациентки нет. Артериальное давление – 120/80. И нам бы откланяться да дальше поехать, но я говорю помощнику:

– Сними, пожалуйста, ЭКГ. На всякий случай, чтобы спокойным быть.

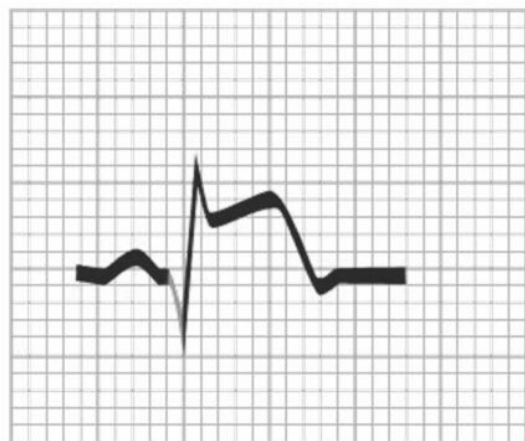
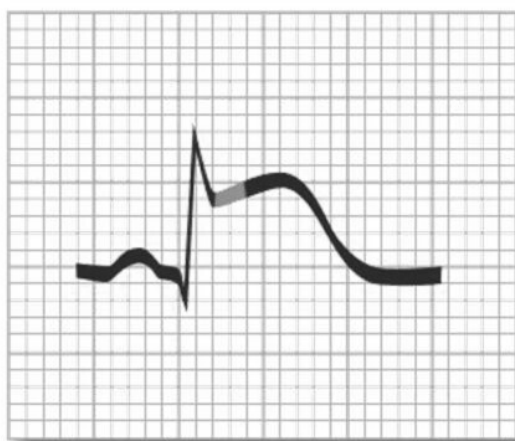
Помощник приносит ленту с кардиограммой и говорит:

– А может, у неё всегда такая ЭКГ?

– Может, но давай мы её поведём как ОКС.

На ЭКГ – признаки ишемии миокарда. Раньше бы мы поставили диагноз «инфаркт миокарда», но сейчас при современном уровне медицины некроза можно избежать, поэтому наш диагноз звучит как ОКС с подъёмом ST. В три часа ночи наша же бригада и перевозила пациентку из отделения кардиологии нашей больницы в областной кардиоцентр для дальнейшего лечения. На её кардиограмме уже не было тех изменений, которые увидели мы на адресе. Лечение, проведённое вовремя, предотвратило развитие инфаркта.

Что меня заставило сделать ЭКГ этой пациентке – не знаю. Люди говорят, что это «чуйка сработала».

Благодарность.

На скорой редко видят благодарность больных и их родственников. Бывает, что спасаешь жизнь человеку, потом доставляешь его в больницу. Пройдя курс лечения, пациент выписывается домой и, решив отблагодарить, приносит медперсоналу отделения, в котором проходил лечение, свою благодарность: цветы и конфеты, шампанское и коньяк. Иногда благодарность достаётся и отделению реанимации, в которую он сначала попал. Только не скорой. Но мы не в обиде, главное – человек жив. А что до благодарности, так не послали, не побили, жалобу не написали – и то хорошо! Но бывают и благодарные люди, которые помнят, с чего началось их лечение. И, когда эта благодарность носит не формальный характер, а идёт от души, тогда долго её помнишь. Расскажу одну историю. Ей лет пятнадцать уже, если не больше. И, может, я бы не помнила тот случай (сколько их было! – всё не упомянешь), если бы не благодарность родственников больного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.